

НАСТАСЬЯ СТЕПАНОВНА БОГДАНОВА

Настасья Степановна Богданова — одна из выдающихся носительниц фольклора в XX в., настоящая большая артистка, с широким и разнообразным репертуаром. Ее богатые природные данные и большое мастерство как вопленицы и исполнительницы «досюльных» песен были отмечены в печати еще в 1900–е годы. В 1902 г. С. А. Лосев писал о ней в «Олонецких губернских ведомостях» (№ 81): «Тяжелая крестьянская жизнь наложила на ее лицо свою печать, тем не менее голос вопленицы и в настоящее время блестит остатками того, что называется колоратурным сопрано, регистр голоса ее, можно сказать, очень коротенький, но и эти остатки голоса заставили нас предположить, что в годы молодости Степановна обладала сильным и богатым колоратурным сопрано... Мелодия, исполненная Степановной, полна неподдельного чувства, глубокой думы, думы исторической, а когда две первые строки соединяются в одну сложную, получается такая художественная композиция, что положительно заполняет сердце». Тогда же были произведены первые записи от Н. С. Богдановой — былин и причитаний, опубликованные: первые — в книге Шайжина «Олонецкий фольклор» (Петрозаводск, 1906, стр. 118—163), вторые — в «Памятной книжке Олонецкой губернии» за 1910 и 1911 гг. и в книге «Олонецкие водопады Кивач, Гирвас и Пор–Порог в описаниях туристов» (Петрозаводск, 1907).

В «Памятной книжке» помещена и автобиография Настасьи Степановны. Шайжиным были записаны следующие три былины: «Сильный Дунай Иванович», «Добрыня Никитич и Алеша Попович» и «Чурилушка Щипленкович». Все три были перепечатаны в сборнике Вс. Миллера «Былины новой и недавней записи» (М., 1908, №№ 28, 61, 84). В это время Н. С. Богданова была уже известной сказительницей и вопленицей полупрофессионального типа, ездила по приглашению на свадьбы и праздники специально для сказывания былин и исполнения причитаний. Выступала

45

также в Петрозаводске в школах и других учреждениях, а в 1911 г. ездила по вызову в Петербург. В 1926 г. от нее снова были произведены записи былин, духовных стихов, сказок и песен обеими работавшими в Заонежье экспедициями — Государственной академии художественных наук и Государственного института истории искусств. В 1927 и 1929 гг. во время двух приездов Богдановой в Москву и Ленинград производились повторные

записи. Наконец, в 1931—1932 гг. по поручению Карельского научно-исследовательского института и Фольклорной секции Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР (теперь Сектор фольклора Института русской литературы) — Н. Котляровой, М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной снова записан ряд былин и духовных стихов и автобиография сказительницы. Таким образом, мы располагаем большим материалом записей, произведенных в разные годы и с большими промежутками во времени. Этот материал позволяет нам очертить образ замечательной исполнительницы.

Настасья Степановна Богданова прожила до революции полную горя и тяжелого труда жизнь.

В 1932 г., в год последних от нее записей, ей исполнилось 71 год. В своей автобиографии она рассказывает, как она маленьким ребенком терпела голод и колотушки в большой семье своего деда. Но девочка росла бойкая и жизнеспособная: «Хоть бьют, хоть ись не дают, а я все пляшу да песни пою». После раздела семьи, а вскоре и смерти отца, Настасье Степановне пришлось, кроме выполнения своей крестьянской работы, ходить «на чужу работу» — в Клименецкий монастырь на лесозаготовки и на погрузку судов. Учиться было некогда, и Настасья Степановна осталась неграмотной. Но любовь к песне не угасала: «Куда на работу поеду, всё с песнями». В свободные минуты бегала к «бабушке» — старухе Гавриловне («Шапше») — «сироте», знавшей и певшей былин, которые она переняла от известного певца Конона из Зяблых Нив. От Гавриловны Настасья Степановна главным образом и усвоила свой репертуар. Кроме Гавриловны, Богданова называет еще в качестве своего непосредственного учителя и Домну Васильевну Сурикову. За страсть к былинам, за частые уходы из дому к Гавриловне Настасья Степановна не раз была матерью бита. Впоследствии искусство Настасьи Степановны сделалось одним из побочных средств к существованию, особенно когда семью постигла неожиданная беда: лесничий, враждебно относившийся к сказыванию былин, рассчитал ее мужа после одного из ее выступлений в Петрозаводске. После ухода из лесничества Настасья Степановна поселяется с мужем в Петрозаводске, где работает по стиркам, ходит молотить и т. п. Жизнь в замужестве оказалась также не сладкой: муж пил, семеро детей погибли один за другим от недосмотра.

Последние годы Настасья Степановна жила на пенсию, назначенную ей правительством. Похоронив всех близких, она осталась одинокой. Но жизнь на людях выработала в ней общительность. Это была очень живая,

быстрая в движениях и разговоре, маленького роста старушка с живыми молодыми глазами, пересыпающая свою речь пословицами и поговорками. Она держалась с чувством собственного достоинства, в начале знакомства даже несколько сурово. «Степановна — баба гордая», так отзывались о ней в деревне. Она была очень самолюбива и знала себе цену. Критически относилась к другим сказителям, например к П. И. Рябину, с которым ездила вместе в Ленинград и Москву. Умерла Настасья Степановна в 1937 г.

Из всех видов фольклора, которыми Н. С. владела, она больше всего любила былины, к содержанию которых относилась с глубокой верой. Тексты былин, так же как и песен, знала твердо и могла сказать их «словесно». Владела несколькими напевами и исполняла былины артистически. Пела она всегда в определенной позе, подперев щеку правой рукой, а правый локоть — левой рукой и слегка покачиваясь. Отдельные места комментировала. Развернутая характеристика Настасьи Степановны как исполнительницы былин дана нами во вступительной главе тома I (стр. 76). Здесь же отметим, что Настасья Степановна, несомненно, принадлежит к лучшим хранителям эпической традиции и к классическому типу исполнителя, овладевшего приемами высокого эпического мастерства и творчески развивающего усвоенное им наследие. Однако в последнее время Настасья Степановна уже забывала и порой смешивала сюжеты и имена былинных героев (см. былинку «Маринка догадлива» и былинку о Василии Буслаевиче).

О Н. С. Богдановой существует довольно значительная литература. Характеристика ее как сказочницы дана в сборнике: И. В. Карнаухова. Сказки Северного края. Academia, 1934, стр. 397—398; как исполнительницы причитаний — в книге: Г. С. Виноградов. Русские плачи. Изд. «Сов. писатель», 1937, стр. XXVI—XXVIII. Полная библиография всех статей и заметок о Богдановой, а также публикаций произведенных от нее записей см. в заметке, посвященной ее памяти, в сборнике «Советский фольклор», № 7.

БЫЛИНА О ДОБРЫНЕ НИКИТИЧЕ

- Ах как во славном во городе во Кееве
Да и у ласкова у князя у Владимира
Ах да ласковой да стольный князь кеевской
В одну пору в одно времечко
- 5 Он завёл себе да славный честный пир,
Открывал сиби честное пируваньце.
Он зазвал к сиби князей да всех бояринов,
Уж он руських и могучих богатырей,
Поленичь зазвал сиби удалых.
- 10 Ах и вси тогда на пер да прибиралися,
Вси-то на пиру-ту разгулялися,
Вси-ты на пиру наугощалися,
Вси-ты на пиру да напивалися,
Вси потом да принапилися,
- 15 Сделалися все да в хмельном разуме.
Ах и умный-то хвастал всё житьём своим,
А безумный хвастал богатством,
А иной похвастал тут златой казной,
А иной цветным платычем,
- 20 А который похвастал добрым конём,
А и Дюк Степанович своей удачью,
Да Чурилушка Щеплёнкович наречией,
А Олёшенька Попович своей смелочью.

48

- Говорил тогда Василий свет Буслаевич:¹
- 25 «У меня теперь у добра молодца
Добры комони стоят не езжаны,
Куны шубоньки висят у нас не ношены,
Золотой казны у нас да сметы нет».
- А один Добрынюшка ничем не хвастовал,
- 30 Говорил тут князь да стольне-кеевский,
Говорил он таковы слова:

¹ Вариант:

Выхвастывал Васильюшка Буслаевич.

«А и что же ты, Добрынюшка Никитинич,
 Один ты, Добрынюшка, ничем не хвастаешь?».
 Отвечал в ответ Добрыня свет Никитинич,
 35 Говорил да таковы слова
 Он и князю говорил Владимиру:
 «А что ласковый князь да красно солнышко,
 Я осмелюсь тебе да слово вымолвить.
 Вот и нечем–то мне теперь выхвастывать,
 40 А и нету ни имения ни богатства,
 Нету без счёта золотой казны,
 Только есь одна по ндраву молода жена,
 Молода жена да любимá семья,
 Любимá семья Настасья свет Микулишна».
 45 Вот в ту пору, в тое времячко
 Разгневились русские богатыри
 На тою ли на Добрынюшку Никитича.
 Насказали оны князю да Владимиру,
 Говорили, что и есть в чистом поле наездники,
 50 А ищут тут себе да поединщиков:
 «Нам бы некого теперь туда отправить
 Окромя Добрынюшки Никитича.²
 У Добрынюшки есть силушка великая,
 У Добрынюшки лошадушка звериная».
 55 Они думали тогда подумали,
 Скорёшенько тут напридумали,

49

Вот назначили Добрыню тут на заставу,
 Ни надолго ни на коротко — на двенадцать лет:
 «Отправляйся ты на заставу,
 60 Не надолго поезжай — на двенадцать лет,
 Очищай–ка ты широкие дороженьки,
 Чтобы смело нам везде выезжать было».¹

² Вариант:

«Окромя–то нам Добрыни свет Никитича.

¹ Вариант стихов 59–62:

Говорил тут князь да стольне–кеевский:

«Поезжай–ка ты на заставу,

Не надолго выезжай — на двенадцать лет,

Очищай–ка ты широкие дороженьки,

Тут становился Добрыня на резвы ноги,²
Задрожали у него ножки рнзвые,
65 Сменилося у него личько белое,³
Становился он на грэдень на столовую,
Стоял прямёшенько, поклонился низёшенько
Князю Владимиру, на все четыре сторонушки,
На вси на́ три, на четыре на сторонушки.⁴
70 Они и думали тогда и придумали,
Говорили–то они Добрыне свет Никитичу:
«А и ай же, Добрыня свет Никитинич,
Поезжай–ко, отправляйся ты немедленно,
Не надолго ли поезжай, да на двенадцать лет,
75 Очищай–ко ты широкие дороженьки».
В тую пору, в тое времячко
А поблекло у него да личько белое,
Задрожали у него да и ножки резвые,
Он кресты тут положил да по писаному,
80 Вси поклоны тут провёл да по учёному

50

На все три, на цетыре на сторонушки,
А и да князю тут Владимиру в осóбину.
В тую порушку тогда да в тое времячко
Выходил тотчас со терема высокого,
85 Со палаты белокаменной,
Он по лестницям и шол да слёзно плачитця.
Проходил он со тово двора широкова,
Подходил–то ко палаты своей каменной,
Не входил да во палатушку,
90 Не являлся он совсем во высóк терём,
Заходил да во стойлы лошадиныи,

Чтобы смело нам было́ да выезжать.

Поезжай–ка тут, брат, ты немедленно!».

² Вариант:

Как стоял тогда Добрыня на резвых ногах.

³ Вариант:

Тут сменилося у него личько белое,

Помуцились у него да очи ясные.

⁴ Вариант стихов 68—69:

На вси на три, на четыре на сторонушки,

А и князю со княгиней в осóбину.

Уж он и брал коня да дóброва.
 В тую пóрушку тогда да в тое времячко
 Как сидела–то родитель яго маминька
 95 А честна–то вдова Афимья Александровна
 Под косивчатым окошечком,
 Под хрустальным стеколушком.
 Она и видела Добрынюшку,¹
 Говорила тут Настасье свет Микулишной:
 100 «Как идёт–то наш удалый добрый молодец
 Уж он с пера да невесёл прошол,
 Приклонивши его младая головушка,
 Утопивши у него да очи ясные
 А во матушку да во сыру́ землю,
 105 Изменивши у него да личько белое,
 Не приходит он что–то во палатушку,
 Да не входит он во высок терем».²
 Говорила тут Настасья свет Микулишна:

51

«Вот бежи–ка ты скорее на широкай двор,
 110 И он где–то там да продолжаетця,
 Уж он к нам во терем не являетця».
 Как бежала–та Афимья Александровна
 Да и скорёшенько бежала на широкой двор,
 Увидала своего да чадо милое:
 115 Он уздает, седлает коні доброва,
 Полагая–то он войлуки мягкие,
 Да й на войлуки сидёлушко церкальское,
 Да и затыга́ затыженька шелкóвые,
 Застегая–то он пряжечки злачёные,
 120 А и застыжечки да тянутся, не сóрвутся,

¹ Вариант стихов 97–100:

Пожита вдова Афимья Александровна
 Тут видела своего да чада милого.

² Вариант стихов 100–107:

«Как идёт–то наш удалый добрый молодец,
 Он прошол к себе да на широкай двор,
 Ай не весел–то, не радостен,
 Утопивши у него да очи ясные
 Да во матушку да во сыру землю,
 Он и к нам во терем не является».

У их пряжечки от дождичков не ржáвятся.
 Подходила тут родитель к ёму маминька
 Да и честна́ вдова Афимья Александровна,
 Подбегала ко своему да чаду милому,
 125 Говорила тут она да й таковы слова:
 «Ах тай же ты моё да чадо милое,¹
 А та что же ты с пиру да невесёл пришол,
 Невесёл пришол, нерадостен,
 А нерадостен пришол да закручинивши?
 130 А и место там тебе было не по́ чину,
 Или чарой–то тебе приобносили там,
 Или какая там собака приоблаяла?²
 И наконець куды теперь да отправляешься,
 Ты и далнче ли от меня да отдаляешься?
 135 К нам и сигодни в терем не являешься,
 Нам когда тебя дождать, в окошечко посматривать?».
 Тут Добрынюшка–та с маменькой говаривал,
 Он и своей тогда родители высказывал:

52

«Ох вот не спрашивай, родитель моя маменька,
 140 Не давай–ко ты великой назолушки
 Ах и моему ретивому сердечушку.
 Уж как ты меня несчастного спорóдила,¹
 Зародила ты на свет меня несчастливо,
 Зародила неталанново,
 145 Зародила ты на свет меня несмелово,
 Зародила неудалова.
 Зародила бы, родитель моя маменька,
 Уж ты удачью в Дюка бы Степанова,
 Уж ты смелочью бы и в Алёшу да в Поповича,

¹ Вариант:

Ах тай же ты моё да чадо милоё,
 Чадо милоё, дитё любимое.

² Вариант стихов 130–132:

«Либо место там тибя было не по́ чину,
 Или чарой–то тибя приобносили там,
 Ли какая ни собака приоблаяла?»

¹ Вариант стихов 140–142.

Про мою теперь несчастную победушку,
 Как ты рóдила меня несчастного.

- 150 По наречию в Чурилушку Щеплѣнкову,
 Уж ты лучше бы меня да не родила бы,
 Уж ты лучше на свет не спусти́ла бы.²
 Ты в сырѳм дубу меня да заморила бы,
 На синѳм морѳи меня бы затопила бы,
- 155 Уж я лучше–то бы молодец не рѳжен был.
 Было б место–то мне место не пѳ чину,
 Всего лучше на пир неприглашон бы был.
 Уж как был–то и на пиру типерь на чѳстныѳм
 Хоть и место мне было мне пѳ чину,
- 160 Ай да чарой меня не обноси́ли–та,
 Никакая–то собака ни обля́яла.
 Вот и вси мы напилися,
 Ай и все богатыри да прирасхвастались.
 У меня–то как у добрава у молодца
- 165 Ни хватило ума–разума в головушке
 Да и на малый на единый час.
 Вот и я–та с глупа разума повыхвастал
 И похвастал–то да молодой женой,
 Молодой женой да любимѳй семьѳей,
- 170 Любимѳй семьѳей Настасьей свет Микуличной.

53

Рассердились тѳперь русские богатыри¹
 На меня–то вот на доброво на молодца,
 Насказали оны князю да Владимиру,
 Вот назначили меня на за́ставу.

- 175 Ни надолго уезжаю — на двенадцать лет.
 Вот поди, скажи Настасье свет Микуличной,
 Если хочет увидеть, пускай сейчас придѳт,
 А не хочет увидеть, пускай к окну нейдѳт».
 Ах и тут оны со маменькой прощались,
- 180 Оны гѳрюньким слезамы обливались,
 Тут бежала–то Афимья Александровна
 Да и скоренько во высѳк терем,²

² Вариант:

Уж ты лучше бы во чреви задавила бы.

¹ Вариант:

Разгневались вот русские богатыри.

Прибежала–то ана–то во высóк терем,
 Говорила тут Настасье свет Никулишной:
 185 «Ах и эй же ты, Настасья свет Микулична,
 Ты сидишь в злачёном тереме,
 Над собой невзгодушки не ведаешь:
 Уезжает наш удалый добрый молодец,
 Отправляется во чистó поле.³
 190 Ты бежи к ему скорее на широкий двор,
 Ды и выспрашивай, выведывай,
 Нам когда домой–то ждать, в окошечко посматривать».
 Тут бежала–та Настасья свет Микулична,
 А скорёшенько бежала на широкой двор,
 195 Увидала тут Добрыню свет Никитича.
 В тую пору, в тое времячко
 Как сидел тот Добрыня на добрóm коне,
 Как дохóдила она до боку правого.
 А ко той ко правой ко стремяночке,

54

200 Да и смотрела на Добрынюшку прямёшенько,¹
 Говорила–то нáкратко тихошенько,
 Говорила таковы слова:
 «Ах и ай же ты, Добрыня свет Никитинич,
 Ты далече ли теперь да й отдаляешься,
 205 Ты и куды же отправляешься,²
 Нам когда домой–то ждать, когда в окошечко
 посматривать?».
 А и сидел тогда Добрыня на добрóm коне,
 Он держал во правой ручке плётку шóлкову,
 Шелковóй плеткóй частёшенько помахивал,
 210 С молодой женой Добрыня разговаривал:

² Вариант:

Тут скорёшенько бежала во высóк терем

³ Вариант:

Он уздаит–седлает коня добраво

¹ Вариант стихов 198–200:

Подбегала тут она к нему скорёшенько,

Смотрела на него прямёшенько.

² Вариант:

К нам во тэрем не являешься.

«Ну и моя мила́ ты молодá жена,
 Молодá жена да любимá семья,
 Любимá семья Настасья свет Никулишна,
 Когда про то стала выпрашивать —
 215 Я про то же тебе буду да высказывать:
 Уезжаю я во чистó полё,
 Во чистó полё я еду да на за́ставу,³
 Уж и я буду там должать на за́ставы,
 Уж ты год не жди меня, другой не жди меня,
 220 Ты на третий год не взглядывай,
 Не приеду как домой да из чистá поля,
 А и буду я там ждать да на за́ставе,
 А частёхонько к тебе будут приезживать,
 Приезжать—то будут к вам гости да немилые,
 225 Привозить—то будут вести нехорошие,
 Что видь нет живá Добрыни свет Никитича,
 Да и отрублена была да буйная головушка.

55

Тут частёшенько опять будут приезживать,
 Да и близёхонько—та й будут к вам подхаживать,
 230 На словах—то будут вас да обманывать,¹
 Ай да замуж тебя будут подсватывать.
 Ты не верь, не верь, Настасья свет Никулишна,
 Ни князьям да ни бояриным,
 Ни ты русским могучюим богатырым,
 235 На исходи будит времени двенадцать лет,
 Не приеду как домой из чистá поля,
 Ты частёшенько в зелёный сад похаживай,
 На кудрявы диревиночки посматривай,
 Как на эгыи кудрявые рябиночки.
 240 Как прилётит голубь со голубкою,
 С куста на́ куст будут перелётывать,
 Промежду собою возгуркивать,

³ Вариант стихов 216—217:

Уезжаю я типерича на за́ставу,
 Ни надолго — на двенадцать лет.

¹ Вариант:

Да в очах—то будут вас обманывать.

Что ведь нет жива Добрынюшки Никитича,
 Да и отрублена да буйная головушка,
 245 А головушкой лежит да под ракитов куст,
 И он и резвыма ногамы ко Пущай-реке,
 Да сквозь жёлтые кудёрушки трава растёт,
 Ты потом, моя Настасья свет Никулишна,
 Хоть вдовой живи, хоть замуж иди,
 250 Хоть за князей пойдя, хоть за бояр пойдя,
 Хоть за русских могучих богатырей.
 Только не ходи, Настасья свет Микулична,
 Ты за й за смелого Алёшу за Поповича,
 Ты и за женьского насмешника».

255 А и тут у Настасьи свет Микуличны²
 А подрезало у ей да ножки резвые,
 Да и сменилось у ёй личько белое,
 Помутились да у ней очи ясныи,
 Не могла стоять на резвых на ноженках,
 260 Ай упала тут она да о сырú землю.

56

Приклонился тут Добрыня свет Никитинич,
 Тут прощался со своёй да молодой женой;
 Она видела Добрынюшку сядучи,
 Не и видать [с] широка двора поедучи.

265 Не воротамы поехал он широкима,
 Да и скацил-то через стену городовую,
 От ёго пошли поездки богатырскии,
 От коня пошли поступки лошадиныи,
 Во чистом поле пыль тогда столбом стоит.

270 Вот отправился Добрыня-свет на заставу.
 Как отправился Добрынюшка в чистое поле,
 Приходила тут родитель его маменька,
 Пожитá вдова Афимья Александровна.
 Она к князю приходила ко Владимиру,
 275 Горько-тошно она ему покорялася.
 Тут не белая берёзка к земли клонется,

² Вариант:

Вот и тут у Настасьи свет Никулишны.

Не сучочки ко земли да преклоняются,
 Не листоцьки по земли да росстеляются,
 Поклоняется Добрынюшкина маменька,
 280 Она князю поклоняется Владимиру:
 «Вы ласковый наш князь да краснó солнышко,
 Пожалей–ка нас несчастных,
 Пожалей да победных.
 Ты за что отправил моего–то чада милого,
 285 Ты отправил его теперь на за́ставу
 Ты безвинного его да беспричинного?
 С первой винушки прости его,
 А пожалуйста со за́ставы вороти его».
 А отвечал ей князь да стольно–киевский:
 290 «Приказанное им да исполнять надо».
 Вот и время–то идёт, быдто дождь дожджит.
 Месяцы идут, как ручей бежит,
 А и годики идут, быдто река бежит,
 Вот прошло–то тому времечки да три годы,
 295 Ай не видно–то Добрынюшки с чиста́ поля.
 Вот послал туда да князь стольно–киевской,
 Он послал туды Олешеньку Поповича.

57

Как и съездил–то Олешенька Попович тут
 Он узнать того Добрынюшку Никитича:
 300 Ай да есть ли жив Добрыня свет Никитинич,
 Да отрублена–то буйная головушка?
 Говорил–то он да князю да Владимиру:
 «Что ведь нет жива́ Добрыни свет Никитича,
 Он и головушкой–то лежит да под ракитов куст,
 305 Уж он резвыми ногами ко Пущай–реке,
 А сквозь жёлтые кудёрышки трава растёт».
 Да и послал тут да князь стольно–киевский
 Он Олешеньку Поповича
 Он к Настасье известить да Николаевной.
 310 Как приехал свет Алешенька Попович,
 Он слезал да со добра́ коня,
 Привязал коня ко тому столбу́,

Ко тому–то столбу ко точёному,
 Ко тому кольцу да золочёному
 (*Ведь без столба кольца–то нету*).

- 315 Он и приехал ко Афимье Александровне
 Без доклада на широкой двор,
 Да без спросу–то й зашел да во палатушку,
 Без долóги он явился да в высóк терем,
 Становился он на грёдень на столовую,
 320 Он кресты–та положил да по писáному,
 Все поклоны тут провёл да по учёному,
 А Афимье Александровне в осóбину:
 Уж вы здравствуйте, Добрынюшкина маменька,
 Ты, Настасья молода жена Добрынина,
 325 Ты, Настасья свет Никулишна.
 Я приехал–то вчирась да из чистá поля,
 А ведь нет живá Добрынюшки Никитича».
 Они горько тут и тошно все проплакали.
 Опять времячко идёт, будто ручей бежит,
 330 Да неделя за неделей, быдто дождь дождит,
 Месяца идут, быдто река шумит,
 Как прошло–то тому времячко да шесть годов,
 Да и не видно тут Добрыни из чистá поля.

58

- Стал частёшенько Олёшенька поезживать,
 335 Стал близёшенько к Настасьюшке подхаживать,
 Стал милёшенько он тут разговаривать,
 Ай да замуж стал подсватывать.
 Как прошло–то тому времени да девять лет,
 Да и не видно–то Добрыни из чистá поля.
 340 Тут приехал вот и князь да стольно–киевский
 Со Опраксией Никуличной,
 Да с Алёшенькой Поповичем,
 Оны сватать–то Настасью Николаевну.
 Да й встречали тут таких–то дорогúх гостей,
 345 Угощали тут таких да милоúх гостей,
 А и князю подарила полотёнышком,
 Да и княгиню подарила тут косиночкой,

А Олёшу угостила калёной стрелой:
«Уходи–ко ты, кабацкая подпорина,
350 Да и табашная заморина,
Уходи с добра со терема с высокого,
Уезжай в тот час с двора от нас широкого,
Штобы век ко мне да не подхаживать,
На палату нашу не заглядывать!».

109а

БЫЛИНА О ДОБРЫНЕ НИКИТИЧЕ
И О НАСТАСЬЕ НИКУЛИЧНЕ

Как во славноём во городе во Кееве,
У ласковово князя Владимира,
Ласковой князь стольне–киевской
В óдну пóру в óдно времячко
5 Завёу он славный, чесный пир,
Пригласиу князей и бояринов,
Руських могучиих богáтырей,
Пригласиу к сиби поленичь удáлых,
Пригласиу к сиби он на славный пер.
10 Все ко перу съезжались,

59

Все на пер прибирались,
Все на перу разгулялись,
Все на перу принапились,
Сделались все в хмнльнем разуме.
15 Все то҃да порасхвастались.
Умной хвастау житьём своим,
Безумной богачеством,
Иной чвитным плачьичем,
Которáй добрым конём.
20 Юк–то Степанович своей ўдачью,
Олёшенька Попович своей смелостью,
Щурилушко Щаплёнкович наречией.
Выхвастау Василий свет Буслаевич:
«У меня теперь у дóброго у молодца
25 Куньи шубоньки висят не ношены,
Добры комани стоят не езжены,
Золотой казны теперя у нас сметы нет».
А один только свет Добрыня Никитьевич
Только один ничим не выхвастау.
30 Говориу то҃да князь стольней киевской,
Говориу таковы слова:
«Вот все у меня теперь расхвастались,

А один Добрыня свет Никитьевич
Ничим не хвастает.
35 А што же ты ничим ни хвастаешь?».
Отвечау в ответ Добрыня таковы слова:
«Ай же ты, ласковый князь красно солнышко!
Я осмелюсь слово вымолвить.
Мни вот ничим типирь выхвастывать,
40 Нету ни имения ни богачества,
Ни без счёту золотой казны,
Только есть одна по ндраву молодá жена,
Молодá жена, любимá семья,
Любимá семья — Настасья свет Никулична».
45 В тую пóру в тóе времячко,
В тот даже чесный пер
Они думали промеж себя, придумали,

60

И скорёшенько они тогда раздумали,
ховорили князю Владимиру:
50 «У нас есть в чистóм поли теперь наезники,
Ищут сибú поединщиков,
Нам некоho теперь туда отправить,
Окромя Добрыни свет Никитьевича:
У Добрынюшки есть силушка великая,
55 У Добрынюшки лошадушка звериная,
Может очищити широкия дороженьки,
Щобы смело нам везди выезжать будёт».
Тут скорёшенько придумали
Да назначили Добрыню тут на заство.
60 Говорит тут князь стольне–киевской,
Говорит Добрыне свет Никитичу:
«Ай же ты, Добрыня свет Никитьевич!
Отправляйся ты теперь на заставу,
Очищай–ка вси широкия дороженьки,
65 Щоб смело нам везди выезжать былó,
Отправляйся, брат, немедленно,
Ни надолго поезжай, на двенадцать лет».
Становиуся Добрыня свет Никитьевич,

Становиуся на грядёнь на столовую,
70 Содражали у ево да белы рученьки,
Подрезало ево да ножки резвья,
Поблёкло у ево да личко белоя,
Кресты полаһау по писаному,
Поклоны провёу по учёному
75 На вси четыре сторонушки,
Князю Владимиру в осóбину.
Отправиуся со перу́ со чёснава,
Выходиу со терема високава,
Со той со палаты белокаменной.
80 По лесницам идёт, слёзно плачится,
По дверям, сам крестится,
Приходиу ко тому́ двору́ широкому,
Подходиу ко своему́ уж двору́ широкому,
Ко своей палаты белокаменной.

61

85 Ни зашоу в палату в свою каменну,
Ни являлся во высок тернм,
А зашоу прімо во стойла лошадиная.
Золóту сбрую брал со стопочки,
Шелкову́ плётку брал со гвоздика,
90 Коня доброго со стойлов лошадиных.
В ту́ю по́ру, в то́е вре́мячко
Ко́гда шоу Добрынюшко Никитьевич
Со перу́ со чёсного,
Тут сидела [его маменька] под косищатым окошечком
95 И смотрела сквозь хрустальное стекóлушко,
Тут видала Добрынюшко из перу́ проходиться,
Говорила Настасье Никуличной:
«Как пошоу–то наш добрый мóлодец,
Он из перу прошоу видать из чёсного,
100 Що–то из перу не весёу прошоу,
Не весёу видать, не радостен,
Приклонивши ево млада головушка,
Утопивши очи ясныя во матушку сыру́ землю,
Изменивши у ево личко белое».

- 105 Говорит Настасья Никулична:
«А где же он провождается,
К нам што-то во терём не является,
Бежи-ко скорее на широкий двор,
Уж он һди там продолжается?».
- 110 Тут бежала Афимья Александровна
Скорёшенько бежала на широкий двор,
Увидала своего чада милово,
Чада милово, дича любимово.
Он уздает, седлаё коня доброво,
- 115 Пологает войлуки мягкия,
Да на войлуки сидёлушко циркасьское,
Он затягивау затяженьки шелкóвыя,
Застегает тяжёчки злачёныя,
Затёженьки-то тінутче — не сóрвутче,
- 120 А пряжечки от дожджика ни ржáвиют.
Подходит тут родитель к ему маминька.

62

- Говорила ему таковы слова:
«Ай же ты, моё чадо милое,
Чадо милое, дитё любимое!»
- 125 Што ты из перу́ не весёл пришёу?
Или место тебе было́ ни по́ чину,
Или чарой-то тебя приобносили там,
Ли какая ни собака приоблаяла?
- 130 А наконець куды теперь отправляешьсе,
К нам во терём сегодня ни евяешьсе?
Там скучаёт-ждёт Настасья свет Никулична».
Тут Добрынюшка-то с маминькой говаривау,
А свет тоҥда родители высказывал:
- 135 «Ты ни спрашивай, родитель моя маминька,
Ты не спрашивай меня теперь, не выведывай,
Не давай мни великоюй надзолушки,
Моему теперь ретивому сердечушке.
Уж как ты меня несчастного спорóдила,
- 140 Зародила ты на свет меня несчастного,
Спородила неталанного,

Зародила–то несмелого.
А зародила бы родитель меня маминька
Уж удачью во Юкова Степанова,
145 Уж смелостью в Олёшу бы Поповича,
А по нарнчию в Щурилу бы Щаплёнкова.
Уж ты лучши бы меня де не рóдила бы,
Ты в сыром дубу́ меня бы заморила бы,
На синём морí меня бы затопила бы,
150 Уж я лучше бы и не рóжен был,
Уж я лучше бы и не рóщан был,
Уж я лучше бы мóлодец и не жéнян был,
А всего лучча бы на пер не приглашёнай был,
Вот был я на пиру теперь на чéснонм,
155 Местá хоть было мне пó чину
Чарой меня не обносили там,
И никакая собака не облаяла,
Вот вси на пиру стали хмельни–веселы,
Вси на перу расхвастались,

63

160 У меня–то у добра мóлодца
Не хватило ума–разума в головушке
На малый на единый час.
Я–то с глúпа разума повыхвастау,
Я похвастау только своей молодой женой,
165 Молодой женой, любимóй семьёй,
Любимóй семьёй Настасьей свет Никуличной.
Рассердились руськие богáтыри
На меня–то на дóброго на мóлодца,
Насказали они князю да Влодимыру
170 И назначили меня теперь на зáставу».
Тут с маминькой они пораспрощались,
Горькима слезами обливались.
— «Поди скажи Настасье Никуличной,
Если хочет увидать, пускай сейчас идёт,
175 А не хочет увидать, пускай к окну нейдёт».
Тут бежала Афимья Александровна
Скорёшенько в высóк терём,

- Говорила Настасья Никуличной:
«Ах же ты, Настасья свет Никулична,
180 Сидишь в высоком в злачном во тереме,
Над собой незгодушку не ведаешь,
Уезжат от нас добрый молодец,
Уж он седлает коня доброго.
Поди выпрашивай ево, выведывай,
185 Нам когда ево ждать, когда в окошечко поглядывать».
- Бежала Настасья свет Никулична,
Скорёшенько бежала на широкий двор,
Увидала там Добрыню Никитича,
Он сидит на добром коне.
190 Подбегала она к нему скорёшенько,
Забегала с лица да боку правого,
От той ли от правой стремяночки,
Смотрела на него прямёшенько,
Говорила она ему милёшенько:
195 «Ай же ты, Добрыня Никитичь,
Што же к нам во терем сегодня не являешься,
- Наконець куда теперь отправляешься,
Нам когда ждать тебя домой,
Когда в окошечко посматривать?».
- 200 Тут сидеу в тую пору в тое времячко,
Сидеу Добрыня на добром коне,
Шолковой плеткой частёшенько помахивау,
С молодой женой тогда да разговаривау:
«Ай же ты, моя молодá жена, любимá семья
205 А Настасья свет Никулична.
Когда про то же стала выпрашивать,
Так я про то буду высказывать:
Уезжаю я на заставу,
Ни надолго уезжаю, на двенадцать лет,
210 Буду я довжать там на заставы.
Уж ты ход не жди, да и другой не жди,
На третьей ход в окошечко не взглядывай.
Как буду я довжать там на заставы,

Приезжать будут гости к вам немѣлые,
215 Привозить будут вести нехорошие,
Частёшенько будут к вам поѣзживать,
Близёшенько будут к вам подхаживать,
В очах будут обманывать,
Замуж тебя будут подсватывать.
220 Ты не верь, Настасья Никулична,
Ни князьям, ни бояринам,
Ни могучиим богатырям.
А как не приеду если я из чиста поля,
На исходе буде времени двенадцать лет,
225 Ты частёшенько в зелёный сад похаживай,
На кудрявы деревиночки посматривай.
Как прилётит голуб со голубкою,
С куста на куст будут перелётывать,
Промеж собой будут возгуркивать,
230 Що нет жива Добрыни Никитыча,
Отрублена буйная головушка,
Он головушкой лежит под ракитов куст,
Резвыма ногама ко Пущай-реку,

65

Сквозь жёлтыя кудёрышки трава растёт,
235 Ты потом, моя Настасья свет Никулична
Хоть вдовой живи, хоть замуж поди,
Хоть за князей поди, хоть за бояринов,
Хоть за могучиих богатырей,
Столько не ходи за смелого Олёшу Поповича,
240 За женьского надсмешника».
Тут у Настасьи Никуличной
Подрезали у ней ножки резвыя,
Задрожали ручки белыя,
Изменился у ей личко белое,
245 Помутился свет во ясных оченьках,
Не могла стоять на резвях на ноженьках.
Тут упала о матушку сыру землю.
Приклонился тут Добрыня свет Никитьевич,
Тут прощались они да с молодой женой

- 250 Горькими слезами обливались.
Она видела Добрынюшка сядучи,
Ни видала с широка́ двора поедучи.
Ни воротыма поехау он широкима,
Он скочил черэз стену городóвую,
255 Отправляюся Добрыня в чистó полё,
По широкой поехау по дороженьке.
От ево пошли поезки богатырьския,
От коня пошли поступки лошадиныя,
В чистом поле только пыль столбом стоит,
260 Тут уехау Добрынюшка на за́ставу.
А неделя за неделю, быдто дождь дождит,
Месечи идут, как ручей бежит,
А годики идут, как река шумит,
Прошло тому времячки три хода,
265 Не видно Добрыни из чиста полі.
Приходила тут родитель ево маменька,
Приходила ко князю ко Владимиру.
Тут ни белая березка к земли клонится,
Ни сучёчки ко земли да приклоняются,
- 270 Ни листочки по земли расстилаются,
Поклоняется родитель ево маменька,
Низко, низко поклоняетци,
Горько–тошно она покоряетце,
Покоряетце князю Владимиру:
275 «Ай же ты, князь наш красно солнышко,
Зачим вы отправили моево сына любимово,
Зачим вы справили надолго туда на за́ставу,
Одново невинново ево и беспричинново?
В этой горькой–то вины вы простите–ко,
280 Со за́ставы воротите–ко».
Отвечау князь стольне–кеевской:
«Приказанное им исполнять надо».
И пошла от князя, горько–тошно заплакала.
Уж прошло тому времячки шесть годов,
285 Не видно Добрыни из чиста́ полі.

Говорит князь стольне–кеевской
Могучиим богатырям:
«Хто желает съездить в чистó полё,
Хто желает о Добрыне Никитыиче узнать,
290 Есть ли, жив ли Добрыня Никитыич или нет?». Пожелау–то да Олёша свет Попович
Съездить в чистó полё.
Видел не видел Добрынюшку,
Говорит князю Владимиру:
295 «Що нет жива́ Добрыни Никитыича,
Отрублена ево буйна́ головушка,
Он головушкой лежит под ракитов куст,
Резвыма но́нама ко Пуца́й–реки,
Сквозь жёлтыя кудёрышки трава растёт». 300 Говорит князь стольне–киевской:
«Поди съезди к Афимье Александровне
И к Настасье Никуличне,
Скажи, що нет жива́ Добрыни Никитыича,
Пусть не́ ждут и в окошечко не поглідают». 305 Без докладау заезжау Олёша на широкий двор,

67

Ни воротамы проехал широкима,
Вскочил через стену городóвую,
Слезал со добра́ коня,
Привязау коня ко тому столбу ко точёному,
310 Ко тому кольцу к золочёному,
Без дологи явился во высóк тернм.
Становился на гредень на столовую,
Кресты положиу по писанóму,
Поклоны провёу по учёному. 315 Настасья тут Никулична дома не случилось,
Одна ево случилось родима́ матушка,
Пожита́ вдова Афимья Александровна.
Говориу Алёша таковы слова:
«А нет жива Добрыни Никитыича,
320 Отрублена ево буйна́ головушка,
Он головушкой лежит под ракитов куст,

- Резвыма ноґама ко Пущай–реки,
Сквозь жёлтыя кудёрышки трава растёт».
Тут ево родитель матушка
- 325 Горько–тошно порастуґжилась.
Неделя за неделю, как дождь дождит,
Месяцы идут, как ручей бежит,
А ход за ход, как река шумит,
Прошло уж тому времячки девять лет, —
- 330 Не видно Добрыни из чиста́ полі,
Тут стал частёшенько Олёша поезживать,
Стал близёшенько к Настасье подхаживать,
Стал милёшенько с ей разговаривать
И в очах да стау омманывать,
- 335 Замуґж стау ню посватывать.
Как прошло тому времячки девять лет,
Не видно Добрыни из чиста́ полі.
Тут приехали князь со княгинею
Со Опраксией Никуличной,
- 340 Приехау с има Олёша свет Попович,
Приехали сватать Настасью свет Никитичну.

68

- С докладом заезжали, привязали коней
Ко тым кольцам к золочёным,
Зашли они в палату белокаменну,
- 345 Явились во высок терём,
Роскланялись Афимье Александровне
И Настасье Никуличной.
Стречала она таких гостей
И угощала таких дорогих гостей,
- 350 И подарила гостей милаих:
Княґиню подарила косыначкай,
Князя подарила полотенчиком,
А Олёшу угостила колянóй стрелой,
Говорила при том таковы слова:
- 355 «Уходи прочь, кабацкая подпóрина,
Отходи от меня, табашная замóрина,
Щобы век больши ко мне не подхаживать,

- И на нашу палату щобы не взглядывать».
Ну уехали гости у ей
360 С палаты белокаменной, с широка́ двора́.
Приближается времени двенадцать лет,
Не видно Добрыни из чиста́ полі.
Опять приехау князь,
Опять снова со княгинею
365 И с Олёшей опять Поповичем,
Опять сватать Настасью Никуличну.
Не жалает Настасья Никулична
Итти совсем за ево во замужество,
Не идёт охотою, берут теперь неволею.
370 Просватали Настасью свет Никуличну,
Наладили пир на двенадцать дён,
Обручили Настасью Никуличну с Олёшей Поповичем
И ведут пир двенадцать дён.
В óдну пору в óдно времячко,
375 В один единый час
Сидит Добрынюшко Никитьевич
Под кустушком ракитовым в чистом полé,

Прилетели тут голуб со голубкою
380 Близко к Добрыне Никитичу,
С куста́ на́ куст стали перелётывать,
Промежду́ собой стали возгуркивать:
«Сидишь ты, Добрынюшко Никитьевич,
Под кустышком ракитовым,
385 Над собой ты невзгодушку не ведаешь.
Твоя молода жена заму́ж идёт
За Олёшу за Поповича,
Развели пер на двенадцать дён.
Конешно не охотой идёт, а взяли её неволею,
390 Обручили её с Олёшой уж Поповичем.
Разгорелось у Добрынюшки сердеченько,
Расходилася тут сила богатырьская,
Скочил скорёнько на резвы ногі,
Садился в тот час на добра́ коня

(Видишь, сразу садился на коня, не говорится, чтоб седлал, значит как на за́ставы он был, так у границы́ это, ну и не распрягау ево, было по-форменну. А то пелось бы, что седлал коня),

395 Брау во ручку плётку шóлкову,

Отправиуся в тот час со за́ставы,

Удалился из чиста́ поли,

Подъезжау ко Кееву ко хорóду.

В ту́ю по́ру, в то́е времячко

400 Сидела родитель ево маменька

В высокóем во злачёнаем во тереме,

Сидела под косивчатым окошечком,

Смотрела сквозь хрустальное стеколышко,

Смотрела далёко во чистó полё,

405 Уронила она слёзы горькия,

Вспоминала своего сына рóдного.

Наглядела она во чистóм поли, —

Ни чорнай ворóн с поля пúрхая,

А едет из чиста́ поли наезничек.

410 Бела одёженька на ём грязнёшенька,

Бело личенько чернёшенько,

На лошадушке сидит, будто лесóвой зверь.

Подъезжау к своему двору широкому,

Без доклада заезжал на широкой двор,

415 Не воротама заехау широкима,

Скочил через стену городóвыя,

Слезау скоренько со добра́ коня,

Спустил коня вольня на широкай двор,

Ни расседлывау коня, ни привязывау,

420 Без дологи вошёу во палатушку,

Без просу явился в высóк терём,

Становился на грідень на столовую,

Кресты положил по писáному,

Поклоны провёл по учёному:

425 «[3]драстуйте, Добрынюшкина маменька,

Пожита́ вдова Афимья Александровна,

Я приехау сейчас из чиста полі,
Из чиста поля приехау сейчас со за́ставы.
Я вам от Добрынюшки поклон привёз,
430 А Добрыня в скором времени прибудит к вам».
Тут заплакала Афимья Александровна:
«Ни говори ты, незнаем добрый мо́лодец,
Ни давай мни великой надзолушки,
Шесть лет как Добрынюшка живого нет,
435 А Добрынина молодá жена заму́ж идёт,
За руського богатыря за Олёшу Поповича.
Не охотою идёт конешно, взяли неволею,
Обручили уж с Олёшей его Поповичем,
Назначили пер на двенадцать дён,
440 Только я не пошла туда на славный пир».
Говорит он: «Ай же ты, Добрынюшкина мать,
Дай же мне одёженьку Добрынину,
Дай же мне гусёлышки Добрынины,
Посмотрю пира чёсного,
445 Полюбуюсь перу славного».
Говорит Афимья Александровна:
«Не проси ты, удалый добрый мо́лодец,
Пусть хоть мне гусёлышки на погляденьице,
Пусть одёжа хоть сына на посмотреньице.
450 Туды не пропустят тебя незваного,
Везде там каравул стоит.
Увезёшь ты только моего сына любимого одёженьку,
Увезёшь ты только гусёлышки».
— «Дашь одёжу — возьму, и не дашь — возьму,
455 Дашь гусёлушки — возьму, и не дашь — возьму,
Спустят — на пер пройду, и не спустят — пройду».
Заплакала она горячемы слезамы,
Принесла ему одёженьку Добрынину,
Принесла гусёлышки Добрынины,
460 Снарядился уда́лый добрый мо́лодец
Во одёженьку Добрынину,
Взял гусёлышки Добрынины,

Отправился ко перу ко чесному,
Подошоу к воротам к широким,
465 Там везди да каравул стоит,
Говорит ему таковы слова:
«Вси гости приглашонные,
Ты один незван идёшь,
Нельзя итти незваному,
470 Нам такое есть приказание».
Разгорелось тогда у Добрыни сердечушко,
Расходилась сила богатырская,
Как начал каравул поширкивать,
Куды махнет — падёт уличка,
475 Перемахнёт — падёт переулочек,
Которого помáхне — рука долой,
Какого переврня — голова и ножи долой.
Пробрался наконец во палатушку
И биз просу является во высок тернм,
480 Гди ведётся славный чесный пер.
Становился тут на грідень на столовую,
Кресты положил по писаному,
А поклоны провеу по учёному
На вси на три, на четыре сторонушки.

72

485 Говорит тут князь стольне-кеевской:
«Вот вси у нас теперь гости званые,
Вот вси у нас гости приглашонные,
А один-то к нам гость теперь незван пришёу,
Куды нам этого гостя посадить теперь?».
490 — «Куды посадитя, я и там сижу,
Что достанетя, я и ем и пью».
Говорит князь стольне-киевской:
«Твое место за печку за муравую».
Стау за печенькой Добрынюшко постаивать,
495 Стау частёшенько Добрынюшко посматривать,
Говорит Добрыня свет Никитенич:
«Позвольте-ка сыграть мне хоть раз в еровчата
гусёлушка».

Стау за печенькой Добрынюшка постаивать,
Веселёшенько в гусёлышки наигрывать.
500 На перу игра всим поңдравилась,
Стоят ества сахарнии нендяные,
Стоят чары зеленá вина налитыя, непитыя.
Говорит княгиня обручёная:
«А во едаки во гусельки прежней муж мой играу,
505 Пригласите–ка незнаемого мóлодца
Ко столу его ко чнскому,
Пусть садится, гди ему место ндравится,
Угощати ево как и всих гостей».
Говориу князь стольне–киевской:
510 «Выходи, незнаем добрый молодец,
З–за печькой, з–за муравоей,
Садись к столу ко чёсному,
Гди тиби место ндравится».
— «Я желаю сесть насúпротив
515 Княгини обручёнай».
Садися насúпротив княгини обручёнай.
Наливали ему чару зеленá вина,
Подносили Добрыни Никитычу,
Он стояу да на резвых ногах,
520 Не большая была чар' — полтора ведра.

73

Брау чару во правú руку,
Спускау туда с руки золочён перстён,
Спустиу в это зеленó вино.
— «Я желаю не пить эту чару зеленá вина,
525 А поднести княгини обручёной.
Ну вот пей же, княгиня обручёная,
Пей же чару зеленá вина.
Если пьёшь до дна, так жалаешь добра,
А не пьёшь до дна — не видать тебе стáра добра».
530 Взяла княгиня обручёная чару во белы руки,
Выпивала эту чарушку до донушка,
Увидала там злачён перстён,
Которым перснём с Добрыней обручались.

И говорила то҃гда таковы слова:
535 «Не тот мой муж, котор со мной сидит,
А тот мой муж, котор на меня глядит,
А которы буйны ветрушки завеяли,
Откуль красно солнышко засыяло
На мою на млáдную головушку,
540 Чево совсим я теперь не надеялась,
Што мой–то муж на сём свети объявится». Вскочила через столики дубовыя,
Через есвушки сахарния,
И через питья скочила медвяныя,
545 И через чарочки налитыя, непитыя,
Брала Добрыню за белú руку,
Целовала во уста ево сахарния,
Горько–тошно тут она заплакала:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитинич,
550 Уж ты в этой вины не прощай меня,
Уж ты в этой вины не прощай теперь,
Бери, бери да шелковúю плеть,
Уж ты бей меня до смертельных ран». Говориу Добрыня таковы слова:
555 «Я в этой–то вины прощу тебя,
Що не охотою идёшь, берут неволею,
А Олёшу–то я так не прощу таперь».

74

Как хватау Олёшу за желты кудры,
Выдергау со стола ево со чнсного,
560 Как стау по терему Олёшеньку потаскивать,
Стау гусёлкамы Олёшу поколачивать, —
У Олёшеньки уж кости заряжаýдалú.
Говорит князь стольне–киевской:
«Оставь ещё хоть ево во живности».
565 Спустиу Добрыня со белых рук Алёшу Поповича.
Хоть и битай Олёша, только смелой был,
Садился ко столу ко чёсному,
Приклониу свою буйну голову,
Говорит: «Всякóй–то на свити поженется,

- 570 Да не всякому женитьба удаётся,
А хуже нету Олёши Поповичу,
Верно столько-то Олёшенька женат бывау,
Верно столько-то Олёшенька и с женой живау».
Говорит Добрыня свет Никичениць:
- 575 «Я двенадцать лет выстояу на за́ставы,
А [он] што подняу только с омману?
У жива мужа жену отняу!».
Тут не кланялся Добрыня Никитич ни князьям,
Ни бояринам, ни могучиим богатырям,
- 580 Нарушился ихний тут славный пир.
Выходиу он тут со палаты белокаменной
Со своей-то женою с Настасьей Никуличной.
Увидала родитель ево матушка,
- 585 Що идёт уж он со своёй прежней молодой женой,
Бежала скорее навстрету на широк двор
Встречать своих дорогих гостей.
Взяу свою родитель-маменьку,
Хватау он под правую под мышечку,
- 590 Занёс во свой во высók терем.
Стали жить да быть с Настасьей Никуличной,
Лучше старого стали жить, лучше прежняго,
Стали жить да быть, да век корóтати.
(Эту былину на всех концертах пела, самая она любимая была).

**ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА
И ДУНАЯ ИВАНОВИЧА**

- Как во славном во городе во Кееви,
Да у ласкового князя у Владимира,
Ах ласковой–то князь да стольно–кеевской
Задумал он пожениться,
5 Завёл он славной чёсной пер,
Зазвау–пригласиу к сиби князей и бо́яров
И руських могучиих богáтырей,
Поленíч зазвау уда́лых
*(Поленíчи удалы это были воины–женщины,
богатырьского роду, воинсьву учёные).*
Собиралиси вси да на славной пер,
10 Вси на пиру разгулялися,
Вси на пиру угощалися,
Красно солнышко на вечера,
А почестен пир идёт на весели,
Говорит князь стольне–кеевской:
15 «Ай же вы, удалы добры молодчи,
Сильныи вы могучи богáтыри!
Вси вы тепереча поженены,
Княгины за вас вси повыданы,
Один я молодец да холост стал.
20 Вы ездите, удалы добры молодчи,
Вы по всим странáм,
И вы по всим ордам,
Не знаете ли вы мне супротивнойей?
Штобы росту она была высокая,
25 Станóм была бы становитая,
Личом была бы белёшенька,
Собой была бы смиренная,
Очи были бы ясно сокола,
А бровы были б черна́ соболя,
30 Умом бы сверста и волосом желта,
Волосом желта и голосом жалка».

Вси молчали князья–бояровы,
Вси молчали поляниччи удалыи,
Вси молчали могучии богатыри.

35 В тую пору в тот единый час
Стовал сильней свет Дунай Иванович,
Стовал на свои на ноги на резвые,
Становился на грндень столовую.
Стоял Дунай Иванович прямешенько,

40 Поклонился низешенько:
«Ай же ты, князь наш красно солнышко!
Я осмелюсь тебе слово вымолвить.
Уж я знал бы тебе супротивную,
Только далечн–далеко за синим морем,

45 Во том ли во царсви Лихоимском,
У тово ли короля лихоимьського
Есть–то дочь Опраксия Никулична.
Она росту есть высокая,
Станом она становитая,

50 Личеком белешенька,
Бровы у ей черна соболя,
Очи ясно сокола,
Умом сверста и волосом желта,
Волосом желта и голосом жалка,

55 А собой смирёная.
Одним словом вся совсим есть находитче».
Говорит в ответ князь стольно–кеевской:
«Ай же ты, сильней Дунай Иванович,
Славной наш похвальный добр молодец!

60 Садись к столу пожалуста,
Не стой перед князем кеевским».
Скоро сажилсэ Дунай Иванович к столу ко чесному,
Скоро князь поворот держал,
Наливал особого вина чару,

65 Разводил медамы стоялома,
Наливал сам чару зеленá вина,
Разводил медамы сладкома:
«Пей, Дунай Иванович, эту чару зелена вина».

Брал сильной Дунай Иванович,
70 Выпивал он эту чару,
Не большая была чара — полтора ведра.
— «Ты послушай, Дунай Иванович!
Бери теперь силушки по надобью,
Без счету бери золотой казны
75 И поезжай за славно за синё морё
Ко тому к королю лихоимьському,
Не можешь ли сосватать мни супротивную».
Стал опять на резвы ногú,
Стоит Дунай не пошатнитца,
80 Стоит не ворóхнитца,
Говорит со князем Владимиром:
«А осмелюсь тебе еще слово вымолвить.
Мне не надо твоей силушки по надобью,
Мне не надо без счету золотой казны,
85 Только дай мни единого попарщика,
Только дай мни супротив себе могучево богатыря,
Дай мне Добрыню свет Никитича
(Опять Добрыня, в каждую пнтлю Добрыня!).
У Добрынюшки есь силушка великая,
У Добрынюшки лошадушка звериная,
90 У нас силушка с Добрыней одинакая».
Говорит князь стольно-кеевской —
Наливал опять чару зеленá вина,
Разводил медамы стоялома:
«Пей, Добрыня Никитич,
95 Пей эту чарочку до донушка
И съезди-ка с Дунаем за синё морё
Ко тому ли к королю лихоимьському,
Не можете ли сосватать мне супротивнойей».
Добрыня Никитенец стоял на резвых ногах.
100 Выпивал чару зеленá вина,
Ответа не держал никакова.
«Князь наш красно солнышко,
Рады старатьца перед князем своим,
Рады старатьца, если сила наша возможен».

- 105 Садился князь стольно–кеевской
Ко столу ко чёсному.
Написал письмо и грамоту рукой своей,
Написал письмо и запечатывал,
Подовал Дунаюшку Иванову и говорит:
110 «Ай же ты, свет сильной Дунай Иванович!
Как приедите во царство во неверное,
Ко тому королю на широкой двор,
Как вы зайдёте во полатушку,
Как вы явитесь к нему да во высок терем,
115 И подай письмо королю в самы руки,
И вели в тот час распечатывать,
И вели читать–прочитывать.
Справляйте дела живёшенько,
Поезжайте, брат молодчики, скорёшенько».
- 120 Становились удалы добры молодчи
На гредени столовые,
Кресты полагали по писаному,
Поклоны проводили по ученому
На вси на три, на четыре на сторонушки,
125 Князю Владимиру в особину.
Отправились с перу со чнсного,
Со того ли со терема высокого,
С той полаты белокаменной.
Выходили со двора того широкого,
130 Заходили во свои дворы широкия,
Не заходили в полаты свои каменные,
Ни являлися во терема высокия,
Заходили прямо в стойла лошадинные.
Там брали да коней добрых,
135 Золоту узду брали на стопочках,
Шелкову плётку на гвоздике,
Сидёлышки черкальские на своих местах.
Тут уздали да седлали коней добрых,
Пологали оны войлука мягкие,
140 На войлуки сидёлушки чиркальские,
Затягали затяженьки шелковыя,

- Застягали пряжечки злочёныя,
Затяжечки–то тянут — всё не сорвутца,
У них пряжечки от дожжиков не ржа́веют.
- 145 Содились–то молодчики на добрых коней,
Оны брали во руки плётки шелко́вые.
Тут поехали со своих дворов широкиих.
Ни воротома проехали широкима,
А скакали через стены городовыя.
- 150 От них пошли поезки богатырьския,
От коней пошли поступки лошадиныя,
В ч́истом по́ле только пыль столбом стоит.
Продолжали порядочно времени в дороженьки
Оны ехали за славно за синё морё.
- 155 Во тое во царсво приехали во неверное
Ко тому ли х королю на широкой двор,
Биз докладау заезжали на широкой двор,
Ни воротамы приехали широкима,
А скочили через стены городовыя.
- 160 Слезали молодчики с добрых коней.
Говорит Дунай Иванович:
«Ты ли пойдёшь, Добрыня Никитич, в полатушку,
Али мне итти без докладау на широкой двор?».
- Говорит Добрыня Никитич:
- 165 «А ты сам пойдь на широкий двор,
А я буду по дворику похаживать,
Да добрых коней поваживать».
- Тут оны прошшались, слезамы обливались.
Осталси Добрыня на широком двори.
- 170 Стал по дворику похаживать,
Коней добрых поваживать.
А пошол Дунай во полатушку.
Без докладау заезжал на широкой двор,
Без дологи идёт во полатушку,
- 175 И без просу явился во высок терём
На личо к королю лихоимьському.
Становился на гридень на столовую.
Кресты положил по писаному,

Поклон по своему по учёному,
180 И поклонился в особину королю лихоимьському:
«Здрастуйте, ваше королевское величество!».
Говорит король лихоимьської:
«Ты какой земли, ты какой орды?».
Отвечал сильней Дунай Иванович:
185 «Уж я есь со города со Кеева,
Приехал от князя от Владимирера,
Извольте принять письмо и грамотку,
Читать, распечатовать и прочитывать
И ответ пожалуйте мне немедленно».
190 Садился король к столу ко чёсному,
Распечатал письмо, прочитывал,
Говорит своим слугам верным:
«Ай же вы, слуги верныи!
Берите ключи злочёные,
195 Отмыкайте погреба глубокие,
Отмыкайте ледники холодные,
Посадите Дуная Ивановича
Не надолго посадите — на тридцать лет.
Пускай там Дунай нагуляетча
200 И уму–разуму в головку сибя набираетча,
Дак без доклада не приедит к королю на двор,
Без дологи и без спросу не явитча
Во полаты и высок терем».
В тую пору в тот единый час
205 Не успели ещо взять слуги ключей,
Разгорелось у Дунаюшка сердеченько,
Расходилась сила богатырская.
Здынул как свои ручки белыя
Выше своей млáдой головушки,
210 Уж он хряснул во столики дубовые,
Дубовы столы вси в щепки приломались,
А окошечки в стенах вси покóсились,
Хрустальни стеклошки полопались,
Дубовы двери вси заряжайдались.
215 Король за печку обряжаетча,

Куньей шубонькой король закрываетча,
Говорит своим слугам верным:
«Ай же вы, мои слуги верны!
Берите ключи злочёные,
220 Отмыкайте ларчи окованные,
Берите там цветные платыча,
Одевайте Опраксию Никуличну,
Уздайте, седлайте коня доброго
И отправляйте ю во Кеев-град
225 Ко князю Владимиру в замужесво».
Поскорёшенько поспели слуги верные,
Отмыкали ларчи кованые,
Снорежали Опраксию Никуличну,
Уздали коня доброго,
230 Пологали войлуки мягкие
И на войлуки сидёлушки черкальские.
Застегали затяжечки шелковыя,
Застегали пряжечки злочёныя,
Затяженьки тянутча — не сорвутча,
235 А пряжки-то от дождика не ржавиют.
Посадили княгиню посажёную,
И сели удалы добры молодчи
На своих да на добрых коней,
Брали во ручки плёточки шелковыя
240 И отправились с тово двора широково,
Выходили со полат белокаменных,
И отправили княину посажёную,
Провожали на широкий двор.
Тут воротамы проехали широкима,
245 Оны горько-тошно вси тут плакали.
Поехали удалы добры молодчи,
А не скакали через стену городовую,
Выезжали на широкую дороженьку,
Повезли княгиню посажёную.
250 Оны ехали широкою дороженькой,
Отправились с княгиной посажёной.
Тут со всех сторон затёмнило,

- Состигла их тёмная ноченька,
Слезали оны с добрых коней,
255 Заезжали оны в сторону на зелёный луг,
Затянули тут флаки полотняные,
И опускали княгиню посажёную со добра коня.
Накормили добрых коней,
Дали коням да пшена белоярово,
260 Продолжали тут ноченьку до светушки до белого.
Ставали поутрушку молодчики,
Содились на добра коня,
Содили княгиню посажёную,
И самы выезжали со тово луга зелёного,
265 Дали ей в ручку плёточку шелкóвую,
Выехали на широкую дороженьку,
Поехали по широкой дороженьки.
Видят по дорожке у воина проехано,
Смотрят обои на широкую дороженьку,
270 Говорит сильной Дунай Иванович:
«У лошадки по щётке в землю стúпано,
Я знаю — е в чистом поле наезничок.
Ай же ты, Добрынюшка Никитенец,
А я поеду во чистó полé,
275 Так ты вези княину во Кеев–град,
Может воина убью, либо сам паду».
Тут оны прощалися, слезами обливались.
Поехал Добрыня во Кеев–град,
Повёз один княгину посажёную.
280 А отправился Дунай во чисто поле.
Подъезжает ко тому ко чисту ко полюшку,
Ко тому ли ко широкому раздольцу,
Увидал в поли наезника.
Ездит по чистú полю наезничек,
285 На добрóm конú по полю поскакивал,
Булатнею паличей помахивал,
Правой рукой помахивал,
За облака паличей захватывал,
А левой рукой палечу подхватывал,

- 290 А в руках палича была девяносто пуд.
Увидал как наезник Дунаешка,
Тут разъехались они по чистому по полюшку,
Друг другу настрету стреталися.
У них пальцы до рук преломалися,
- 295 Не который ни которого смоцы не мог.
Опять разгорелось их сердечушко,
Опять расходилась вся сила богатырская.
Опять разъехались по полюшку по чистому,
По тому ли по широкому раздольичу,
- 300 Опять дудругу настрету стреталися.
Тут они на штыки пошли,
Штыки у них у рук да преломалися,
Не который ни которого смоцы не мог.
Опять разгорелось их сердечушко,
- 305 Расходилась опять сила богатырская,
Опять разъехались по чистому по полюшку,
По тому ли по широкому раздольичу,
Опять дудругу настрету стреталися.
Тут оны пошли уж на кулацной бой.
- 310 Сшиб Дунай Иванович наезника,
Сшиб–пересилил с добра коні,
Спустил наезника в сыру землю,
Скочил со своего коня доброго,
Скакал наезнику ногамы на бѣлу грудь,
- 315 Выдергал со ножен острейный нож,
Занѣс нож с плеча руки правойей,
Хочет плостать груди белыи,
Хочет вынимать сердце с печенью.
Во пличіу рука застоялоси,
- 320 Не может плостать груди белойей,
Не можот вынимать сердце с печенью.
Говорит Дунаюшка наездничку:
«Ты скажи мне, ты какой земли, ты какой орды?».
Отвечал в ответ наездничек:
- 325 «Как бы был я у тебя на белых грудіх,
Плостал бы прямо грудь белую,

Вынимал бы прямо сердце с печенью».
Разгорелось опять у Дунаюшки сердце богатырьское,
Расходилась опять сила богатырьская,
330 Опять хочет плостать груди белые,
Опять хочет вынимать сердце с печенью.
Во пличи́ опять рука застоялоси,
Никак не можот плостать груди белыи,
Не может вынуть сердце с печенью.
335 Опять стал выпрашивать:
«Ты скажи мни, ты какой земли, какой орды?».
Отвечал наезник Дунаюшку:
«Плостай грудь белую,
Ничего у меня не спрашивай,
340 Кончай мою жись во чистом полѹ,
Я бы был у тебя на твоих грудях,
Ничего бы я у тебя не спрашивал».
Разгорелось опять у Дунаюшки сердеченько,
Расходилась сила богатырьская,
345 Опять хочет плостать груди белыя,
Опять хочет вынимать сердце с печенью.
Третий раз занѣс нож в руки правойей.
Опять во плечи рука застоялоси,
И стал опять спрашивать:
350 «Почему я не могу плостать груди твоей?
Какой ты земли, какой орды,
И какого ты есть роду–племени?».
Говорит Дунаюшку наезничек:
«Когда уж стал ты много выпрашивать,
355 Да я же буду тиби высказывать,
Уж я есь со царсва со неверново,
И я есь короля дочь лихоимського,
И я есь Лизавета Никулична.
Как вы не знаете моей великой победушки
360 И несчастной низгодушки,
Что у нас вчерашний день случилось.
Как вчерашним дѣнечком
Приехали руськии богатыри,

- Увезли мою сестрицу родимую.
365 Замуж ли взяли,
Иль во полон взяли, обесчестили.
И меня–то дома совсим не случилось.
Если бы я дома случилось,
Не увезли б её русьские богатыри.
- 370 То увезли мою сестрицу родимую
Апраксию Никуличну,
И я поехала в догону,
Догнать не могла богатырей.
Я с того горя поехала во чисто поле».
- 375 Как стала она разговаривать,
Выпал Дунай Иванович со белых грудей
(То не мог задавить ю),
Говорит: «Ну дак ты когда Елизавета Никулична,
Да идёшь ли за меня во замужесьво?».
Она отвечает: «Разве ты холос есь?
- 380 А ты какой земли, какой орды?».
— «Я уже тоже со города со Кеева,
Куда и увезли твою сестру».
Брал за белу руку,
Поцеловал в уста сахарнии,
- 385 Посадил её на коня богатырьского.
Она говорила: «Что же мне делать?
Горем и неволей приходится итти замуж за тебя».
Приехали во славный во Кеев–град.
Кончатца пер князя Владимира,
- 390 А началсэ пир Дуная Ивановича.
Провели пер Дуная Ивановича
С Лизаветой Никуличной,
Стали жить–поживать с Лизаветой Никуличной,
А князь Владимир с Опраксей Никуличной.
- 395 Потом говорит Лизавета Никулична:
«Ай же ты, сильной Дунай Иванович!
Пойди–ка ты во чисто поле,
Клади на головушку острейной нож,
А на ножик клади колечки злачёныя.

- 400 Я повыдуду на волхон на высокой,
Я повыстрелю со стрелочки калёной,
Попаду ль к тебе в колечко золочёное?».
Он вышел во чистó полé,
Положил колечки на острейный нож.
- 405 Она вышла на волхоны на высокие,
Повыстрелила со стрелочки колёной
И попала во колечки во злочёныя.
Потом он пришол домой,
Спрашивает: «Попала ли я в колечки?».
- 410 Говорит: «Попала». Стало ему в унижение
И говорит Дунай Иванович:
«Пойди же ты, Лизавета Никулична,
Пойди же ты топерь во чистó полё,
Положи на головку острейный нож,
- 415 А на нож колечки золочёные,
А я повыйдуду на волхоны на высокие
И повыстрелю со стрелочки колёной,
Попаду ль тебе в колечки во злочёныя».
Говорит Лизавета Никулична:
- 420 «Не ходи, Дунай Иванович, ни попасть тебе,
Не учён ты к этому,
Ты только убьешь меня.
У меня ведь во чреви два вьюноши,
По колен ножки в серебри,
- 425 По локоткам ручки в золоти,
А во лбе красно солнышко,
В темени светёл меснц,
По косицам часты звёздочки,
На каждой у их будет волосиночки
- 430 По чистой жемчужинки.
Будут ростеть ни по часам — по минутам».
Ну он поупрямился, не послушал,
Посылает ю и только.
Ну пошла и положила на головушку остренной нож,
- 435 На ножички колечики.
Он вышел на волхон высокой,

Повыстрелил со стрелочки колёной
И не мог попасть в колечки во злочёные,
Только попал ей прямо в белую грудь,
440 И убил свою молодую жену́
Лизавету да Никуличну.
Ждал–пождал медленно —
Не видать ей с чиста́ поля,
Не приходит домой со чиста́ поля.
445 Он сам пошел во чисто́ полé.
Пришел во чисто́ поле,
Лежит Лизавета Никулична застреляна,
Лежит мертвёшенька.
Он взял выдергал с ножней острейный нож,
450 А разрезал у ей чрево человечье.
Там действительно на самой точке здрения
Два действительно вьюноша прекрасные.
Тут горько–тошно он порасплакалсэ.
Разгорелось опять у ево сердеченько,
455 Расходилося опять у его сила богатырьская.
Опять взял во праву руку острейный нож,
Он положил тупым кончом в сыру землю,
Вострым кончом направил сиби во белу грудь.
И говорил тогда таковы слова:
460 «Куды падёт голова Дунаева,
Протеки тут Дунай–река.
Куда пала голова Лизаветина,
Протеки тут речка Чёрная,
Поперёк пробежи по Дунай–речке,
465 И водушка с водой чтоб не мешалосе».
И протекла речка Дунай–река,
И в поперёк протекла в тот час речка Чёрная,
Водушка с водой не мешаетца.
Тут кончали жись Дунай Иванович и Лизавета
Никулична,
470 Нихто не зная, нихто не ведая

(Да уж узнали потом, быдто нет?).

Тым былина покончилась.

О ЩУРИЛЕ ЩАПЛЕНКОВИЧЕ

- Ище кто–то у сенцёй,
 Кто у ворот теперь колотится?
 Колотится Чурило свет Щаплёнкович,
 Щаплёнкович, Щеголёнкович.
- 5 Выходила Катерина Николаевна
 В одной тонкой рубашечке без пояса,
 В одних белых чулочках без чоботов.
 У ей женские волосы приубранные,
 Приубранные, приучёсанные,
- 10 Отпирала воротца раскатистые,
 Запускала Щурилу свет Щаплёнковича.
 У Щурилушки шапка пушистая,
 Пушиста, ушиста, надвиниста.
 Спереду спод шапки очей не видать,
- 15 Позади спод шапки белой шейки.
 Она брала ево за белую руку,
 Человала во уста его сахарня,
 Говорила при том таковы слова:
 «Ах щё же ты, Щурилушко, вчерась не бывал?»
- 20 Сахарня ества не едины стоят,
 Медвяны пива не питые».

 Ворона коня взяла, сама во стойло провела,
 Золоту сбрую взяла, на стопочку клала,
 Кунью шубоньку сняла, на стопочку клала,
- 25 Пуховую шляпу взяла, на полочку клала,
 Сапожки разула — на место клала,
 Щурилушку за ручку в нобу спальну провела,
 Сама молода со Щурилой спать легла.
 Прибегала тут девушка чернавушка,
- 30 Говорила при том таковы слова:
 «Ты не к месту, Щурила, приехал сюда,
 Уезжай–ко от нас,
 Уезжай сейчас совсем от нас,
 То пойду скажу Ермы судар Васильевичу».

- 35 Говорил–то Щурило свет Щаплёнкович,
Говорил Щурило таковы слова:
«Не сказывай, девка, башмаки куплю,
Не сказывай, девка, сарафан куплю,
Не рассказывай, девушка, даже замуж возьму».
- 40 Осердилась Катерина Николаевна
На тую на девушку чернавушку,
Ударила ею на правóй щекí,
Переправила потом по другóй стороны,
Говорила тоҥда таковы слова:
- 45 «Ай ты, мержа неученая,
Уходи с добра со спальни долой,
Тибѣ мой Щурило не достанетсѣ.
Сама я Катерина башмаки стопчу,
Сама я Катерина сарафан сношу,
- 50 Сама я и замуж пойду
За Щурилу за Щаплёнковича».
Заплакала девушка чернавушка,
Скорёшенько бежала ко божьím церквам,
Забежала она скорёхонько в церковь божию,
- 55 Крестила глаза на светителя,
Подходила ко Ермы судар Васильевичу,
Смотрела на него прямёшенько,
Говорила тайно–тихошенько:
«Ай же, Ермак сударь Васильевич!
- 60 У вас в доме гости ннмилые,
Немилый гость Щурило свет Щаплёнкович».
Говорил в ответ Ерма свет Васильевич:
«Ну во тай же ты, девушка чернавушка,
Буде правду говоришь, так башмаки куплю,
- 65 Буде правду говоришь — сарафан куплю,
Буде правду говоришь — даже замуж возьму,
А неправду говоришь — тебе голову срублю».
Разгорелась в тую пору в тóе времечко
Разгорелось у Ермолушка сердеченько,
- 70 Расходилась тут сила богатырьская.
Выходил скоренько со божьнй церкви,

- Садился скоренько на добра́ коня,
Брал во ручку плётку шёлковую,
Подъезжал скоро ко своему широку́ двору,
75 Ко своей к палаты белокаменной,
Не воротимя въехал широкия,
Скочил через стену городóвую,
Слезал скоренько со добра́ коня,
Спустил коня вольня на широкий двор,
80 Подходил к воротам раскатистым.
Постучался свет Ерма Васильевич.
Кто у ворот теперь колотится?
Колотится Ерма свет Васильевич.
Выходила Катерина Николаевна
85 В одной тонкой рубашечке без пояса,
В одних тононьких чулочечках без чаботóв,
У ей женьския волосы растрёпанья,
Прирастрёпанья, прираспудрянья,
Открывала вороты́ раскатисты,
90 Запускала Ерма свет Васильевича.
Говорит Ерма свет Васильевич:
«Катерина, ты што? А Николаевна, на што?».
Отвечала Катерина Николаевна:
«Мне теперь что-то худо можится,
95 Совсим нездоровится».
На сараец пришол, сани ўвидал:
«Я такú сани́ у Щурилы видал,
Катерина, это што? Николаевна, што?».
Отвечала Катерина Николаевна:
100 «Вчерась ездил мой братец во чистó полё,
Со Щурилушкой санками сменялися».
На стопочку взглянул, сбрую нашол:
«Я такú сбрую у Щурилы видал,
Катерина, это што? Николаевна, это на што?»
105 Во стойло пришол, ворона коня нашол:
«Таковó коня у Щурилы видал,
Катерина, это што? Николаевна, на што?».
— «Ездил братец во чистó полё,

Со Щурилушкой конём сменялся».

110 Он на стопочку взглянул, кунью шубоньку
нашол.

«Этаку я шубу у Щурилы видал,
Катерина, это што? Николаевна, на што?».

Отвечала Катерина Николаевна:

«Вчерась ездил братец во чисто поле,

115 Одним словом всим со Щурилой поменялся».

Он во спальную пришол, там Щурилушку
нашол.

«Катерина, это што? Николавна, это хто?».

Тут мовчала Катерина Николаевна.

Расходилося ретівое сердеченко,

120 Расходилася тут сила богатырьская,

Выдергáл со ножней саблю вострую,

Срубил он у Щурила буйну голову.

Не скачёная тут жемчужина скатилася́,

А у Щурилушки головка покотилася́,

125 Покотилась головушка Щурилушкина,

Туда же вослед Катеринушкина.

Прошло тут немножко поры–времячки,

Завёл Ермак свет Васильевич,

Он развёл тут славный чесный пир,

130 Взял замуж эту девушку чернавушку.

БЫЛИНА О ЦАРЕ СОЛÓМАНЕ

(Давно это было, ещё до государства, царь Солóман жил).

- Во славноём былó да Новем городе
Был славный царь да Иван свет Окúльевич.
В одну пору в óдно времячко
Похотел тут он поженитися,
5 Завёу он славный и чеснóй пир,
Зазвал к сиби князей всих бояринов,
Поленúц зазвал к сиби удалых,

Могучих зазвау себе богáтырей.
Вси на пир прибиралиси,
10 Вси на пиру разгулялиси,
А вси на пиру да угощалиси.
А сделалися вси в хмельном разуме,
А и вси тогда порасхвасталися:
Умнай хвастау всё житьём своим,
15 А безумный хвастау богачеством,
А который цвётным плачьищем,
Иной да добрым конём,
Да который золотый казной.
Говорил тут Иван свет Окульевич:
20 «Ай же вы, удалы добры молодцы,
Вси вы таперечу поженены,
А книгини за вас да вси повыданы,
Один я, молодец, да холост стау.
Вы ездите, удалы добры мóлодцы,
25 Вы по всим странам, вы по всим ордам,
Не знаете ли мне да супротивной:
Щобы росту была она високова,
Станом была да востановúтая,
Да лицом была да белёшенька,
30 У ей очи были бы ясна сокола,
А бровы были бы чёрна сóболя,

- Собой была бы смирённая,
 Умом сверста да волосом жеута,
 Волосом жеута и холосом жаука».
- 35 Все молчали князи–боярины,
 Все молчали поленіцы уда́лые.
 Выскакау Ивашка Повáреннн,
 Ста́вцуся на грéдянь столовую,
 Стаяу Ивашко прямёшенько,
- 40 Поклонился Ивашко низёшенько,
 Говоруу Ивашко таковы слова:
 «Ай же ты, царь Иван свет Окульевич,
 Я осмелюсь тебе слово вымолвить,
 Уж я знаю тебе супротивную,
- 45 Только дáлече–далёко за синім морём,
 За синім морём Балтынъским.
 У то́го царя да Солóмана
 Есть прекрасная царица Саламáния,
 Росту она высокава.
- 50 Станом она да становитая,
 Да лицом–то она белёшенька,
 У ёй очи ясна сокола,
 А бровы чёрна соболя,
 Собой она смирённая,
- 55 Умом сверста да волосом желта,
 Волосом желта и холосом жалка».
 Осердился Иван свет Окульевич
 На то́го Ивашку Повáрина,
 Ударуу Ивашку по правой щеки,
- 60 Переправуу Ивашку по другой щеки,
 говоруу то́гда таковы слова:
 «Ай же ты, мёржь неучёная,
 Разве можно делать так —
 У живá мужá да жену отнять?».
- 65 Хоть обітай Ивашка, только смелой был.
 Говорит Ивашка таковы слова:
 «Не сержусь на тебя и не гневаюсь,

- Хоть ударю меня по право́й щеки,
 И переправю меня по друго́й щеки,
 70 Если хочешь получить прекрасну Саламанию,
 Послушай меня безумнаго
 И послушай меня неразумнаго,
 И исполни моё приказание:
 Сострой кораблик новенькой,
 75 А новый кораблик сострой модненькой.
 На кораблик нагрузи товару разнаго,
 Разнаго нагрузи заграничнаго,
 Заграничнаго, различнаго.
 На кораблик рассади садик зелёненькой,
 80 Посади туда деревья разныя,
 Кипаричныя и виноградныя,
 Разноличныя и заграничныя.
 Спусти туда птичек разных,
 Штобы пели они песни разныя,
 85 Воспевали бы голоса чудныя.
 И во садик клади кроватку тесовую,
 На кроватку перинку пуховую,
 Одеяльце клади соболиное,
 Столовие клади крутоскладное,
 90 Занавесточки повесь шелко́вые.
 Клади во садик столик дубовую,
 Застели скатерти забра́ныя,
 Накладí кушаньев разных,
 Закусок всяких
 95 И наклади питьёцев разных,
 Междо разныма путьям положи забудущия,
 И дай без счёту золотой казны.
 Отправь-ка корабельщиков по надобью,
 Сострой, сострой царю Соло́мону подарочек,
 100 Сострой, сострой царю Соло́мону шубку соболиную,
 Положи сорок соболей да со куниками,
 Царицы Саламании кладь золотой подарочек,
 Кладь царицы кованой ларечь,

Кованóй ларечь со кручёным шолкóм,
 105 С дорогой парчéй не сочённаей,
 Положи камней тóды разных,
 Которые неоцённыи.
 Этот подарочек царицы Саламании.
 Отправь силы по надобью
 110 И без счёту золотой казны,
 Штобы приняу царь Солóман.
 Отправь меня туда безумнаго,
 Отправь торговать неразумнаго».
 Исполниу царь Ивашка приказание,
 115 Отправцу Ивашка за мóрë за Балтынское.
 Приехали во тот во славный град,
 где живёт царь Солóман сам.
 Поставили якоря,

95

Выезжау Ивашка на ялики,
 120 Приехау к крутому бережку,
 Выходу, пошоу кó граду,
 Подходуу к полаты царьскойей,
 На тот заходуу на широкий двор.
 Подошоу к окну к растворённому.
 125 В эту пору дома царя Солóмана не случилось,
 Одна была царица дома Саламания,
 Подау звук Ивашка кротким тихим голосом,
 Говоруу Ивашка таковы слова:
 «Ес ли здесь ково благодителяй.
 130 Подайтя–ко мни милостиньку,
 Страннику проезжему и прохожему,
 Страннику иностранному».
 Подошла царица к окну растворёному
 И увидела Поварёна, гóворит:
 135 «Проходи, странник нищенской,
 Проходи во комнату».
 Приказала слугам пропустить Ивашку во комнату.
 Пришоу Ивашка Поварянин к царицы во комнату,
 Стояу Ивашка прямёшенько,

- 140 Поклонился Ивашка царицы низёшенько:
 «Здравствуйте, прекрасна царица Саламания,
 Я приехау сюда со Нового со города».
 Угощала Ивашка Повáрена.
- 145 Говорит Ивашка:
 «Дозвольте мни, прекрасная царица Саламания,
 Подъехать к вашей пристани,
 Ко прекрасну хороду.
 Я приехау с товаром заграничным,
- 150 Сколько мне означить оплатить дани–пошлины?
 Подарочек ещё не посмеу принести,
 Не надеялся щё я попаду к вам в комнату.
 Пожалуйте ко мни на корабличек,
 Оченити товар заграничной мой,
- 155 Сколько мне означить–оплатить дани–пошлины,
 И получить там сиби подарочек посланный».

96

- Пошла царица Саламания
 С Ивашкой Поварúнием
 На корабличек посмотреть
- 160 Ивашка товару разного,
 Приехали на кораблик на ялике,
 Ходила по кораблику модному,
 Смотрела товары разные,
 Говорила Ивашку таковы слова:
- 165 «Торгуй, Ивашко, без дани,
 И торгуй, Ивашко, без пошлины».
 Говорит Ивашко: «Пожалуйте
 Во садик зелёненькой, полюбуйтесь,
 Там птиченьки всякия поют,
- 170 Песни распевают разныя».
 Зашла царица Саламания во садик зелёненькой.
 — «Пожалуйте садиться к столу ко чёсному».
 Садилась к столу ко дубовому.
 — «Кушайте кушаньев разных,
- 175 Выпивайти питьяцев разных».
 Садилась прекрасна Саламания к столу к дубовому,

- Сказала: «Я сама налью, каких мне надобно».
 Налила питья забуду́щаго,
 Выпивала, выпивала, маленько дала ошибочку,
 180 Очень интересно было сидеть прекрасной Саламани
 И как слышать птичек, как поют песни разные.
 Интересно было сидеть у чесно́го стола дубового.
 И выпила питья забуду́щаго,
 Уснула у стола, труднёшенько нй стало
 185 И тяжелёшенько.
 Говорит Ивашка Повáренен:
 «Пожалуйте, прилягте на кроваточку».
 Положиу прекрасну Саламаниу на кроватку тесóвую.
 Прилегла прекрасна Саламания на кроватку тесóвую,
 190 Открыла одеяльце соболиное,
 Заснула она тут крепкíм сном.
 Тут заторопился Ивашка Поваренин,
 Приказау матросам корабельным
- Поднимать скорее якоря на палубу.
 195 И распускали паруса скорее белья,
 Отправлялись по морю Болтыньскому
 Завеяу ветер повечорый йим.
 И так увёз Ивашко княгиню прекрасну Саламаниу,
 Увёз Ивашко хмельнёшеньку,
 200 Увёз Ивашко пьянёшеньку,
 Уснувши крепким сном лежала во кроватке тесовья,
 Привозили к царю Ивану свет Окульевичу.
 Привёу Ивашко повар, представу царю прекрасную
 Саламаниу,
 Приняу царь Иван свет Окульевич,
 205 Очень был благодарен Ивашке,
 Што приставил ему царицу Саламаниу,
 Наградиу Ивашка дорогим подарочком,
 Наделуу Ивашка золотой казной:
 «Привёз Ивашко товар не делёнай, не шевелёный,
 210 Весь сохрануу моё добро».
 Стала жить прекрасна Саламания

- У царя Ивана Окульевича,
Живут с ёй, как муж с женой,
Живут, продолжают жить.
- 215 Прошло времени ровно уж три годá.
Приехау царь Солóман домой,
Явился во свою полатушку.
Доложили: «Нету дома царицы Саламаниц,
И не знаем, куда ушла, куды уехала».
- 220 Три годa царь Солóман разыскивал царицу Саламанию
По всим ордам, по всим странам,
Наконець узнау, што она
У Ивана свет Окульевича находится–живёт.
Справуся царь Солóман за морё ехать,
225 За Болтынское на нескольких кораблях,
И взяу с собой силу коннычью,
Поставиу корабли за хород, за валы,
Оставиу на бережку их.
Войску наказау: «Если я буду живой,
- 230 Если меня не казнят с ряду,
Да если услышится я в рожок сыграю,
Если первый раз услышится,
То седлайте коней моментальнё,
А если в другой раз услышите голос рожка,
235 То на кони форменно садитесь,
А третий раз буде услышится где мой сигнал рожка,
Туда моментальнё окружить,
Во весь ход штобы спустить лошадей».
Сам пошоу, обúченки худы, одёженька худа,
240 Пошоу нищим старичком.
Только взяу подмышку тюрый рог.
Подошоу к окну к растворённому.
Царя–то Ивана Окульевича дома не случилось,
Только одна дома прекрасна Саламания.
- 245 Подошоу к окну к растворённому,
Закричау кротким, гиблым холосом:
«Ес ли тут добрых благодителяй?

- Подайти–ка мни пожалуста милостиньку,
 Отведите душу мою от холоду».
- 250 Подошла царица к окну к растворённому:
 «Ох ты нищенький,
 Ох ты бедненькой,
 Пройди ты во комнатку,
 Мы любим нищих, принимаим странних».
- 255 Приказала слугам впустить ево в комнату.
 Приходиу царь, явился во комнату,
 Говорит царицы Саламания:
 «Ну што, царица Саламания:
 «По рукам–ли бьёшь, аль почелуешься со мной?».
- 260 Говорит прекрасна Саламания:
 «Ни по рукам не бью и ни почелуй не воздам,
 Чорт ли тебя сюда принёс
 Хитрово царя Солóмана.
 Да хто тебя сюды звау?
- 265 Тибѣ верно мешает холова на плечах,
 Или жисть тебе надоела,
- 99
- Жисть ли тебе надоела аль холова тебе на
 плечах помешала?
 Вот придёт царь скоро домой,
 И получишь смерть ты скорую.
- 270 Садись скорее в сундук, я тебя замну от царя».
 — «Уехала ты от меня, скрыласи,
 И я всё разыскивау,
 И я после того не царём стау, нищим,
 Стау пítь я пítю,
- 275 Меня уволили, стау я нищим и странником».
 То й замнула ево во большой сундук.
 И сидит сама на нём.
 Царь приехау, она уж и не вышла ево встречать,
 Сидит на сундуку.
- 280 Царь пришоу, говорит: «Що же ты не встретила?
 Только–ль места ты нашла
 На сундуку сидеть?».

- Она говорит: «Ты не знаешь,
Щево сижу на сундуку — я сижу с большой радости.
- 285 Я сеюдня–то спугалась–то,
То спугалась, растерялась,
И не знаю, што сиби сделать».
— «Ну што же таково нова?»
— «Да которова хитреча мы с тобой
- 290 Боялися три годá,
Так сидит он внизу в сундуку,
Ведь вот какой хитрый чорт,
Ведь нищим, просящим под окно милостыню
пришоу просить,
Приказала я ему в сундук сесть.
- 295 Испугалась, что может меня схватить».
Говорит царь: «Выпусти
С сундука ево, пока не затухнуу там».
Открыли сундук — уж чуть–чуть не затухнуу,
Только едва–едва в живности.
- 300 Говорит царь: «Садись, царь, обедать с нами».
— «Нет я не царь Солóман, я нищий,
- Такой мни паспорт дан,
Ниңде меня более трёх дён не держи,
Визди надо шататься по свету по белому.
- 305 Ни царь я, ни Солóман,
Это верно в личность вам показалось».
— «Не калякай ты с ним ничаво,
Казни ты ево скорей,
Не так он прибыл сюда, он хитёр,
- 310 Ты ево не знаешь, а я знаю».
— «Да никуда он от нас теперь уж не уйдёт».
— «Не уйдёт, так узнаешь, как не уйдёт».
— «Не имею права царя казнить своевластно,
Как он сам пожелает, таку смерть подадим.
- 315 Ничево он с нами ни поделает,
Пусть он хитрый хоть расхитрый.
Так ты, царь Солóман, желаешь сиби смерть какую?

- Зарезать тебя, аль повесить тебя,
Аль голову отрубить?
- 320 Или в сундук желаешь сесть, штобы затухнуу тут?».
Он говорит:
«Ни зарежьте меня, ни тушите меня,
Да головы моей не рубятся,
А в чистом поле наладьте про меня вешалицу,
- 325 Наладьте мни три петли,
Повесьте меня, в три петли зараз задёрните,
Во перьву петлю кладите мою голову,
Во вторую петлю руки мои кладитя,
А во третью ноги.
- 330 Тако меня и задёрните в три петли зараз,
И такую смерть жалаю, когда я тоно да моу».
Царь Иван Окульевич приказу
Быстро наладить петли во чистом поле
Про царя Солмана казнь.
- 335 Говорит царица: «Напрасно ты приказал».
— «У нево войска и охраны нет,
Што с ним сделается?».
Царица говорит: «Вспомнишь меня, погоди».

101

- Пошли на вешалицу.
- 340 Вывели царя в чисто поле,
Царь на кони поехал Иван Окульевич,
Ивашка пошоу и царица пошла.
Говорит царице Саламани царь:
«Теби бы совсем итти ни надо,
- 345 Ты-то чево идёшь любоватьця на смерть царёву?»
А царица сказала:
«Интересно мне поглядеть, как тебя повесят».
И пошли, отправились.
Царь говорит:
- 350 «Перьвую карёжку конь везёт,
Другая карёжка сама идёт,
А третью уж чорт несёт».
Приехали в чисто полё.

- Встау царь по леснице на стремянку,
 355 Стоят которые дожидают задёрнуть.
 Встау на место и говорит Солóман царь:
 «Позвольти мни перед смерётушкой,
 Позвольте сыграю в рожок хоть разик».
 Царица говорит: «Ишь как он хитёр,
 360 Рожок и тот не сумели отобрать».
 — «Нет вы не можете отобрать».
 Царь говорит Иван-то Окульевич,
 Дозволу сыграть ему.
 Воскликнуу царь в сигнау рожка,
 365 Там как за валами шум пошоу,
 Там за валами шум пошол, конница възгралася
 Царица говорит: «Вот дозволил заиграть!».
 Царь Иван Окульевич сказау:
 «Это што за шум, царь, за валами,
 370 Знаешь ли?».
 — «Ето птиченьки водяные трепещут,
 Полетают на смерётушку царьскую.
 Они знают царя Солóмана.
 Позвольте еще раз сыграть».
 375 — «Ну играй». А царица говорит:

102

- «Вспомнишь, царь, это птиченьки не просто играют».
 — «Ничего ты не знаешь,
 Уж на стремянки стоут,
 Так куда ему уйтить?».
 380 И другой раз сыграу,
 Там еще гораже шум пошоу.
 Говорит царь Солóман:
 «Вы мои руки и головы не кладавайте,
 Вы нихтó на лесенку не вставляйте,
 385 Сам сделаю теперь».
 Говорит царь: «А теперь-то я
 Дозволите — сыграю да не позволите — сыграю».
 В третий раз-ко скрынуу в рожок,
 Как моментальнё накрыла конница кругом.

- 390 — «Вот, мои дети, где ваш царь стоит — на вешалище!».
 Цоп! Стой!
 Приказау палачам этим:
 В первую петлю — царя Окульевича,
 В две петли — Ивашка Поваряного,
 395 В одну — голову, в други — руки.
 Затянули, кончили.
 Приказау царицы казнить тяжкими казнями
*(Это такие казни прежде были страшные, особенные,
 а теперь у нас нет. Может в других странах есть, я не
 знаю, а у нас нет, не слышала)* —
 Отрезать сперва у ей язык:
 «Этого не надо, царица поһаноһо целовала».
 400 По локтям приказау отрубить руки у ей:
 «Этого не надо, царица поһаноһо она обнимала».
 Приказау по коленкам отрубить ноги:
 «Этого не надо, царица ими оплетала».
 И спустили ею в маленькой шлюпочке.
 405 Кинуу на море.
 Стала колыбаться царица во шлюпочке.
 От бережка она отшатилася,
 А к друһому она не пришатиласи.
 Сам отправился с своей конницей

103

- 410 Обратно за море Балтынское.
 И сказау: «Што нет злея такой злобы,
 Пусть вси ангелы писарямы,
 Пусть вси моря чернилами,
 Не выписать такой злобы».

104

МАРИШКА ДОГАДЛИВА

- В одно прекрасно времячко
 Снарежаетча Добрынюшка Никитинеч,
 Снарежаетча, умываетча,
 Одевает рубашечки–манишечки,
 5 Стоит против зерькала хрустального,
 Причёсывает свои жолтые кудёрушки
 Со своей с насмешочкой, с улыбочкой,
 Говорит родная ему маменька,
 Чесна вдова Афимья Александровна:
 10 «Куда ты, мое дитятко рожено, снаряжаешься,
 Далнче ли, дорогой, отправляешься?
 Не назначен ведь опять на за́ставу».
 Отвечал Добрынюшка Никитенич:
 «Когда спрашивашь, родна матушка,
 15 Отправляюсь я да на прогулочку
 Пройти по славному своему граду́».
 Говорит родитель–маменька:
 «Пойдешь ты, дитятко, на прогулочку,
 Не зайти хоть в Маришкин переулочёк,
 20 И не зайти хоть к Маришке всё ко догадливой».
 Говорит Добрынюшка Никитенеч:
 «Што же ты, моя родитель–матушка,
 Почему не зайти мне к Маришке догадливой?».
 — «Если ты зайдешь к догадливой,
 25 Пропадёшь ты, драгой, за глиную платичину».
 Говорит Добрынюшка Никитенич:
 «Что же ты, маменька, меня расстраиваешь?

- Как же я могу, такой богатырь могучий,
 Пропасть у Маришки догадливой?».
 30 Снарядилсэ Добрынюшка Никитенеч,
 Вышел со своей полаты белокаменной,
 Выходил со своего двора широкого,
 Со свово со терема высокого.

- Стау Добрынюшка, задумалса,
35 Приклонил свою буйну голову
Во матушку сыру землю.
«Вот какая маменька, мало–мало хожу на прогулочку,
И раз вышел на прогулочку,
И то оговорила меня родна маменька.
40 По ейному веленьицу ходи,
Не по ейному не ходи.
Как же это она говорит,
Верно с глупой со старости.
Как же я могу пропасть у Маришки догадливой?
45 Пойду схожу на счастье».
Пришел к Маришке догадливой,
Ступил бодрёшенёк,
Явился к Маришке веселёшенёк.
Стречала Маришка догадлива,
50 Стречала гостя дорогого:
«Ах явился, свет Добрынюшка Никитенеч!
Кого не дождади и не надеялись,
Что он ко мни да явитча.
Ждать того гостя не выждати,
55 И звать того гостя не вызвати.
Пожалуйста, Добрынюшка Никитенеч,
Раздевайся, проходи и садись к столику дубовому».
Раздевалса Добрынюшка Никитенеч,
Присел к столичку дубовому.
60 Угощала его Маришочка.
Угощался Добрынюшка Никитенеч,
Принапился разного хмельного и зеленá вина,
Сделалси немножко хмельнёшенек,
Говорит Маришка догадлива:
- 65 «Ну что, Добрынюшка Никитенеч,
Доволен ли моим угощеньицем?».
— «Очень доволен, спасибо за угощеньице».
Говорит догадлива:
«Ну вот, Добрынюшка Никитенеч,

- 70 Не угодно ль со мной на кроваточку
Лечь позабавитьча?».
Говорит Добрынюшка Никитенеч:
«Не худо и на кроваточки позабавитьча,
Я ведь еще холост — не женат».
- 75 И говорит догадлива:
«Дак вот что, Добрынюшка Никитенеч,
Раздевайся—ка ты по ночному,
Разувай свои резвы ноженьки,
Рубашечки—манишечки,
- 80 Оставайся только в одном белье ночном».
Он разделся на одну рубашечку,
На одно белье ночное,
Подошли к кроватки и стали около кроватки.
Говорит Маришка догадлива:
- 85 «Ложись же, Добрынюшка Никитенеч, о стеночку,
А я прилягу на крайчик».
Говорит Добрынюшка Никитенеч:
«Нет, ты сама ляг о стеночку,
Я гось приезжий есть,
- 90 И неравно к тебе приедут гости незваные и
нежданные,
Чтобы я мог скоренько скочить с крайчика.
Да и ты раздевайся по ночному».
— «Нет, я не разденусь,
Неравно приедут гости, а мне одеватьца долго будет.
- 95 Я найду им комнато́к, найду кроваток».
Стоят у кроватки да коряютца.
Говорит Добрынюшка Никитенеч:
«Долго у нас разговор повелсэ,
Что тут много мне с тобой разговаривать?».
- 100 Хватил Маришку по серёдке
И бросил Маришку в кроваточку о стеночку,
- Нераздетую Маришку бросил,
А один момент видел только что бросил,
А не видел, как Маришка провалилась

сквозь кроваточку.

105 Стоит Добрынюшка да призадумалси:

«Куда она могла провалитьца?».

Поглядел туда скрозь кроватку — дыра полая.

Вот полая оказалась эта кровать,

Она туда и провалилась.

110 Удивилсэ, стоит ў кроваточки.

Зажгал огонь–свечку, подошел светить,

Не видно тут дыра скрозь темно,

Не видно тут и Маришки ни рук, ни ног, ни головы,

«Куды, думает, куды копейка провалилоси?».

115 Скоро сказка сказываетца, да не скоро дело деетца.

Там уж долго ли он стоял,

Стоял, постоял, подумал,

Надо искать, куды она провалилась.

Нашол ключей вязанки,

120 Эти от комодов, эти от буфетов, эти от шкафов.

Надо итти вниз искать ключи дверные.

Пошел искать–ходить.

Скоро ль, тихо ль искал ключи, нашол,

Зажгал огонь, темно, надо итти.

125 Ходиу, ходиу по дверям, отмыкал,

Всё ниже и ниже ступеньки,

Всё ниже и ниже двери,

Ледник, холодный лёд там,

И лежат там добры молодчи.

130 Инны лежат мёртвыи, инны живые.

Тут спомнил маменьку:

«Вот мне не велела итти,

А у меня–то ум–то молод,

Правду мне маменька сказала,

135 Вот моя какая умная маменька,

Вот я пошел, не послушался родную маменьку,

Да кажетца пропадаю совсем».

Ходиу, ходиу по дверям,

Нашол комнату, отомкнул ледник,

140 Потом ниже и ниже сошел:

Там лёд–холод,

Там молодчов, там Маришку нашол.

Как вверх глянул, напротив этой кровати высоко,

А не уьбетча человек, падёт и не уьбетча.

145 Инные уже заоченели,

Живые сидят на подпорах.

Оказываетца она молодчов–то, которых принимала, всё губила, пропадут без вести и нигде не могут найти. У ней вероятно такие люди были, которые отвозили мёртвых людей, потому что в одной комнате он и мёртвые тела нашол. Маришка там тоже сидит. Молодцы говорят, что нас теперь бог выведет. «Как ты сюда попал, Добрыня Никитич?». Он говорит: «Как вы попали, так и я». — «Нет, мы не так попали. Вот нас на кровать положила, мы и провалились. Она всё отобрала платье, и деньги, и часы». (*Мало ли! часы может быть были червлени*). — «Ну молодчи, не тужите теперь!»

Которых вывел, которых вынес нóском, не оставили там. А Маришка сама вслед идет. Он спросил: «Как вы желаете с Маришкой поступить, оставить в леднике, али с собой вести туды, али куды?». Оны говорят: «Согрей нашу душу, оживи нас, нашей души не дай пропасть, да накорми». — «Подите согрею, накормлю вас досыта и напою допьяна». К столу приоделись. Добрынюшка одел инных, кто не может одетьца. Оны сели к столу ко чесному. Маришке не дают ись. Маришка не смеет гукнуть (*Какое сметьё тут!*). Ели, выпивали водки, очень благодарили Добрыню Никитича: «Вечно будем за тебя богу молитьца». Говорит Добрыня Никитич: «Как же мы молодчи с Маришкой будем теперь поступать, даим ли на город знать, али своим судом накажем Маришку?». Один сказал: «Как она нас губила, не заявляя никуды, так и мы погубим, не скажем никуды». Оны её убили. Взяли эты кости, собрали, завернули в половик и бросили к покойникам: «Вот тебе, собака, собачья честь!». Ну тут долго ль, коротко ль гостили, заявились

108

начальству аль так. Добрыня и людей вывел и сам вышел. Маменька плачет: «Верно зашел к Маришке догадливой». Он ничего не говорит матери, что он был у Маришки. Так и извели Маришку. Она изводила молодчов, они извели ю, Маришку ту, не сказали начальству.

(Я думаю, что надо было это дело подать в суд).

(Вся былина коротка да интересна. Только редки таки штуки получаютча, было досюль–то).

**БЫЛИНА ОБ ИВАНЕ ГОДИНОВИЧЕ
[МОЛОДЕЦ И ХУДАЯ ЖЕНА]**

- Всякóй на сём свете поженится.
Да не всякóму женитьба удавается.
Удавалася у Добрыни свет Никитичу,
Хужá у Алёши Поповича,
5 Неудачна Ивану Годиновичу.
Женила ево мамынька неволею,
По неволей отец, не охотою.
Не у голово, не у бóсово,
У татарина женили у богатою.
10 Приданово много, человек худой.
А приданому висеть да на грядочке,
А худой жены да на моей руки,
На моих руках лежать, да меня целовать.
А того мне молодцу не хочется,
15 А сердце моё совсем не воротится.
Подумал своим умным разумом:
Со худой женой да не хочется,
Уж я лучше добрый молодец на гульбу пойду
От худой жены неудачной.
20 Скорёшенько молодец придумал тут.
С отчём ли маменькой не благославился тут,
С родом–племенем не прощался тут,

109

- Молодой жены не являлся тут.
Собрал свою малую сумочку,
25 Небольшую наладил котомочку,
Крестил глаза на светителей,
Выходил с палаты белокаменной,
Со своёго двора он широкова.
Со своёго двора широкова
30 Выходил на широкую дорожку,
Поклонился уда́лай добрый молодец
На все на три, на четыре на сторонушки.

А отправился да удал добрый молодец
По широкой пошел по дороженьки.
35 На дороги шол не постаивал,
Обратно молодец не посматривал,
Поспешал–те широкой дороженькой,
Продолжал много времени во дороженьки.
Сошел скоро, а нескоро сказка сказывается,
40 Да и скоро никогда не делается.
Продолжал много на дороженьке.
Сошел молодец из орды в орду,
Из орды в орду, из земли в землю,
Из земли в землю да к королю в Литву,
45 В землю бóльшую к королю литовскому.
Доложили королю да литовскому,
Што явился незнаем молодец.
Вот призвал он Ивана свет Годиновича.
Стал выпрашивать, стал Иванушку высказывать:
50 «Ты какой земли–земли,
Ты какой орды, роду–словия?».
Рассказал Иван да Годинович.
Говорил тут король да литовский:
«А желаешь ли стать ко мне во конюхи?».
55 Положили тут меня во конюхи.
Три году прокóнюшал,
Там боһ его милуя и король ево да крепко жáлуя.
Положили потом ево во стóлиники.
А и три года он востóлиничал,
60 Бог ево млудя, король его крепко жалуя.
Положили его да тут во ключники,
А и три годá что он проключничал,
Да король да ево да крепко жалуя.
А у короля была дочь единая,
65 А прекрасна королевна Еленушка,
Говорила папашеньке рóдному:
«У меня–то нету ключника,
У меня–то нет лакейничка,

- У меня–то нет постельника.
70 Я желала бы незнаямоho молодца».
Положили Ивана свет Годиновича,
Положили прекрасной королевичне.
Завсегда ево прездрила во ясных очах,
Постоянно занимала на чистых речах,
75 Сама про нево настольничала,
Сама про нево наключничала,
Сама про нево постельничала,
Сама про нево лакейничала.
А и живёт–то Иван свет Годинович
80 Скоро будет времени три годú
Со прекрасной королевичной.
В одну порушку да в одно времячко
Живёт у прекрасной королевичны,
Скоро будет тому три годú,
85 А и не бывал он на прогулочки.
А и говорит–то Иван Годинович:
«Я живу–то здесь во служении
Скоро будет ну–ко времени двенадцать лет,
Не бывал никогда на прогулочке.
90 А пустите меня на прогулочку
Посмотреть на ваш славный град,
Полюбоваться на ваш прекрасный сад».
Говорит прекрасна королевична:
«Не спуцу тебя на прогулочку,
95 Зайдёшь ты, удалый, во царёв кабак,
Напъёшься зеленá вина,

Будешь в хмнльном разуме,
А собою много перескажаешься,
Выражать будешь речи похвальные».
100 Говорил тут Иван свет Годинович:
«А спусти меня, спусти пожалуста,
А не зайду я во царёв кабак,
А не напьюсь я зеленá вина,
И не буду в хмельном разуме».

- 105 Спустила прекрасна королевична,
Снарядила Ивана свет Годиновича:
На ножки сапожки козловыя,
На головку шляпу пухóвую,
Да пятьсот рублей шубку соболиную.
- 110 А без счёту дала золотой казны,
В ручку тросточку камышеву,
В карман золоты часы.
Отправился удалый добрый молодец,
А пошел–то он на прогулочку,
- 115 Не заглянул он в прекрасный сад,
Не прошол он на славный град,
Зашол прямо во царёв кабак.
Тут напился молодец зеленá вина,
А да сделался то҃гда в хмнльном разуме.
- 120 А стал–то Иванушко рассказывать,
А и начал–то Иванушко выхвастывать:
«Вот живу я у короля литовского
Скоро будет двенадцать годов.
А живу у прекрасной королевичны
- 125 Скоро будет три годú.
А сама про меня да постельничает,
Постоянно занимает во чистых речах,
Постоянно прэздрит меня,
А живём мы с ёй будто муж с женой».
- 130 Услыхали эти речи похвальные,
Донесли о том королю литовския,
Приказал король взять Ивана Годиновича в
хмнльном разуме,

112

- Раздеть Ивана Годиновича,
Положить ево буйну голову
- 135 На плахú дубовую.
Услыхала прекрасна королевична
Про казнь Ивана Годиновича:
«А папашенька родненький,
Не казните незнаема добра молодца.

- А лучше справьте его в свою сторону,
140 Откуда он прибыл сюда,
Туда пускай убирается,
Оставьте ево вы во живности».
Наделила ево серебром и пошел в свою сторону.
Провожал много времени
145 К худой–то к жёнушке к неудачной.
Подходил–то ко своей дернвеньке,
Ходят по улице два маленьких юноша.
Говорил–то Иван да Годинович:
«А есь ли у вас батюшко да матушка?».
150 Отвечали–то малы детушки:
«У нас матушка–то на работушке,
У нас батюшка уж двенадцать лет
Как в гульбу ушол,
И не знаем, есть ли жив али нет».
155 — «Подойдите ко мне, милы юноши!».
Принял к своим белым рукам.
Идёт ево худа жена, неудачная:
Во правой руки да востра́ коса,
Во левой руки да часты грабли,
160 На плечах бедна горюшеча дрова несёт.
Тут спросил–то Иван да Годинович:
«Ты вдова ли есть да безмужняя,
Ты жена ли да мужняя?».
— «Ни вдова–то я есть ни безмужняя,
165 А горюшеча на свете горегорькая.
Двенадцать лет как муж в гульбу ушол,
Ни письма, ни весточки.
А я рóщу два малых юноша».

- «Ну пойдём же в твою малу хижину».
170 Говорит–то Иван Годинович:
«Запусти–ко руку во глубок карман».
А зашли тут во малу хижину.
Рассказалися да распозналися

Да и стали жить да быть,
175 Да век корóтать.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

- Жил Буслав девяносто лет,
 Жил Буслав сто годов.
 Но не старилсэ — лучше ставилсэ,
 Хоть не старилсэ вдруг представилсэ,
 5 Пришла смерть к нему
(В старину смерть приходила въявь по ветхому закону)
 И говорит смерть таковы слова:
 «Вот, Буслав, я топерь за тобой пришла».
 Говорит Буслав смерти этоюй:
 «А ты, смерть, ты ходишь не умная,
 10 Ах ты смерть, ты ходишь не разумная,
 Голова ты ходишь не рассудная,
 Смерть ты ходишь не посульная,
 Раньше писем мне не пúсала,
 Ведома от тебя не бывала.
 15 Сколько дашь строку мни?
 Дай ты мне, смерть, строку хоть на три годика.
 Исповедатьче и причаститьче мни
 И с родом–племенем проститьча мни,
 Расточить своё имение всё по нищей по братии».
 20 Говорит смерть таковы слова:
 «Было дано строку тибби
 На сто да на четыре да на три годá
 Исповедатча тибби да и причаститча,
 И с родом–племенью было тибби проститча».
 25 — «Так дай же мне строку исповедатча».

114

- «Только дам тибби строку на три часика».
 Прошло три часику, приставилсэ Буслав.
 Осталсэ сын Васильюшка Буславович,
 Осталсэ с родной со своей да с матушкой.
 30 Стал ростеть, вступать уж в силу богатырьскую,
 И вси знают, что богáтырь будет.
 Стал ходить на улочку,

Стал с ребятками шуточки пошучивать:
Которого дерьнет — рука долой,
35 Которого захватит — нога долой,
Которого повернет — голова долой.
Такие были его тяжкие шуточки.
Стали к матушке с жалобой похаживать,
Приносить жалобу на Василия Буслаева:
40 «Много окончил людей да человечиков,
Надо унять строжее Василия Буславьева!»
Приходила матушка на широкий двор,
Взяла его подмышечку.
И унесла его в высок терем,
45 Больше не стала спускать на прогулочку.

*(Уж дальше я не помню. Не приходилось, давно было.
Богатырь он был да жил в Кееве, а может быть в
Нове-городе. Да ведь и в Кеев съедут на пер. Вот ведь).*

КОСТРЮК

Ай же ты, Кострюль, Кострюль–Бострюль,
Молодой ли царь Черкашенин!
Твоя сила непомирная,
Тридцать лет воевал, ну не мог силушку отведати,
5 Плеча своего да богатырского.
В одну порушку, в одно времечко
На том на полі на Волховом
Назначена была битва татарская.
В то пору в тое времечко

115

10 Ну строго тоґда было приказано
У князя Владимира,
Чтобы улицы распахивать,
Котлы навешивать,
Котлы навешивать, столы задв́гивать,
15 Составлять ества сахарнии,
Разводить путья медвіныи,
Кормить–поить борьчѐв да добрых молодцѐв.
Царица крымьська короля дочь турьсково
Выходила на красно крылечико,
20 Крычала во всю голову:
«Ес ли там борьчѐв да добрых молодцѐв
С нашим Кострюком поборотися,
А силушки его отведати,
Плеча его да боґатырского?».
25 Наехали борци да добры молодцы,
А с разных дальних сторонушек,
На тую на битву татарскую,
Наехали татара поганыи.
Сидели борчи добры молодци
30 За столикама дубовыма,
За ествыми сахарнима,
За питьими медвіныма,
За чарами налітама, непітама.

Приехал Потанюшка маленькой, невеличенькой
35 Со стороны заморской,
Подходил к Кострюку Черкашенину,
Перекрестил своёй дубинушкой
Вдоль спины его богатырской,
Угостил его тотчас дубинушкой.
40 Говорил Кострюк Черкашенин:
«Ах как заморскии комарики больно покусывают!».
Ему честь воздал — к столу позвал.
Подбежали татары поганьи,
Подбежали к Кострюку Черкашенину.
45 Один пинул да другой легнул,
А третий его в бок толкнул.

116

Разгорелось у Кострюка сердеченько,
Расходилась сила богатырская,
Вскочил скоренько на резвы ногí,
50 Хватал чару во праву руку,
Выпивал чарочку на единой дух,
Ни большая была чара — полтора ведра.
Скочил через столики дубовыи,
Через есва скочил сахárныи,
55 Через чары налúтые, непитые.
По чуду Кострюку учудилося,
За скамью нога зачипилася,
Упал Кострюк на левый бок.
Набежали татары поганьи,
60 Хотели хватить Кострюка Черкашенина.
Скакал Кострюк Кострюль–Бострюль молодой
царь
Скочил скоренько на резвы ноги,
Развернулся Кострюк Черкашенин,
Сорок татар побил, петъдесят голов задавил,
65 Не мог силушку отведати,
Плеча своего узнать богатырского.
Закрычали мужики новгородския:
«Остав, Кострюк, хоть на семена!».

Закрычали татару погану:

70 «Уж дау тебе боh живу на двор зайти,

А не живу со двора сойти.

Руки бы ноги тебе повыломать,

Глаза бы тебе повыкопать,

С платьев бы тебя повытрехнуть!».

О ДЕВЯТИ БРАТЬЯХ РАЗБОЙНИКАХ
И ОБ ИХ СЕСТРЕ

Как было у вдовки у распашенки
Девять—то сынов, одинака дочь.

117

Девять—то сынов да вси в разбой пошли,
Во разбой, в разбой да во разбойнички,
5 Во денные, в ночные подорожнички.
Одинаку дочь вдовка замуж выдала
А за славного купца заморского.
Уж я год там жила — не подумала,
Другой год — не стоснулася,
10 А на третий годик сына рóдила,
На четвёртый годик стосковалася.
Я у свёкрушка да подавалася,
У свекровушки доложилось,
Со своим со мужем стоворилася.
15 Собрались тогда, поехали
На малогрёбной, малой лодочке
За сине море в свою сторону,
В свою сторону, на мою родину.
Гостинички клали серéдь лодочки.
20 Муж сел во весёлышко,
А сама—то села во правильщики,
Чада милого ко белым грудям.
Среди морі мы приехали,
Тучки тёмные затёмняли,
25 Буйны ветрушки как завеяли,
Как стащило нас тут победноих
К крутым бнрежкам, ко желтым пескам,
Ко желтым пескам, к синим камешкам.
А напали на нас злы разбойники,
30 Ночные, денные подорожники,
Моего тут мужа они встрéлили,
Чада милово в воду бросили,

А меня младу во полонъ взелѹ.
Во полонъ взелѹ да обесчестили,
35 Завели во свой во разбойский стан.
Вси разбойники спать легли,
Да один разбойник да спать не лёг,
За свои грехи богу молится.
У меня младой стал выпрашивать:

118

40 «Ты скажи, скажи, поповедай мне:
Ты какой земли, ты какой орды?».
Уж как стал разбойник выпрашивать,
Стала млада ему высказывать.
Тут разбойник порасплакался,
45 Горько, тошно он да порастужился:
«Вставайте, братья родимые!
Уж мы што-то наделали,
Чуда чудного мы начудили,
Дива дивного мы надѹвили:
50 Своего мы зятя пострѹляли,
Любимѹ племѹ да в воду бросили,
Мы родну сестру ведь ко полонъ взелѹ,
Во полонъ взелѹ да обесчестили».

119

У ВДОВУШКИ ВДОВЫ (Припевка)

У вдовушки–вдовы да было девять дочерей,
Было девять дочерей да одинакой сын,
Одинакой сын был Васильюшка.
Ай да вси оны пошли да в церковь божию,
5 Ай да вси по крылосу расставилися,
Оны вси тогда пели «господі боже»,
Одна маленька Софеюшка промолвила:
Она думала сказать «господі боже»,
Там сказала: «Что, Васильюшка, братец мой,
10 Ай, Васильюшка, братец, подвинься ко мне».
Проведала Василя да маменька,
Поскорее бежала во Киев–град,
На гривенку купила зеленá вина,
На другую купила зелья лютого.
15 Ай Василью подливала зеленó вино,
Да Софеи подносила зелье лютое.
Говорила при этом таковы слова:
«Софеюшка, пей, да Василью не давай,

119

Васильюшка, пей, да Софеи не давай».
20 Василий пил да Софеи подносил,
А Софеюшка пила да Василью поднесла.
Василий скаже: «сердечко щемит»,
А Софеюшка скаже: «головушка болит».
Говорил тут Васильюшка Софеюшке:
25 «Ты умела, сестра, братá употчивать,
А умей же родимово упокоити.
Свирне мене да в тонко пóлотно,
А снеси меня да во чистó полé,
И ты брось меня в синё морё».
30 Вдруг оны да тут преставилися,
А обоих вдрух хоронить несли.
Софеюшку несли да на белых руках,

А Василья несли на буйных главах.
Хоронили тут Василья по праву́ руку́,
35 А Софею хоронили по леву́ руку́,
По правую и по левую церкви божия.
На Васильи выростала золотá верба́,
На Софеи выросло кипарис-дrevó.
Они к друг дружку́ настрету сrostалися,
40 Да в одно место вершинкам свивались.
Ай малыи шли да наигрались,
Молодые шли да насмеялись,
Пожилые шли — надивовались,
А старьи шли — наплакались.